

P-12

НАСЛЕДИЕ ВЗРЫВА.

БЕЗРАЗЛИЧИЕ

18+

Наследие Взрыва

А. Т

Наследие Взрыва. Безразличие

«Автор»

2026

Т А.

Наследие Взрыва. Безразличие / А. Т — «Автор»,
2026 — (Наследие Взрыва)

После катастрофы выжившие спрятались за стенами и научились бояться всего, что не поддаётся контролю. Особенно людей, в которых проснулось нечто новое. Её учили быть полезной. Подчиняться. Не задавать вопросов. Не верить себе слишком сильно. Потому что сила, которую невозможно объяснить, легко становится приговором. Но однажды привычный порядок даёт трещину. За закрытыми дверями оказывается больше правды, чем в официальных отчётах, а забота всё чаще напоминает клетку. В мире, где человека можно назвать угрозой, ресурсом или ошибкой, ей предстоит понять, что страшнее: чужая жестокость, ложь во имя спасения или собственное безразличие.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	27
Глава 5	33
Глава 6	39
Глава 7	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

А. Т

Наследие Взрыва. Безразличие

Глава 1

Будильник зазвонил в шесть ноль пять.

Несколько секунд телефон вибрировал где-то рядом с подушкой, противно дрожал по простыне и требовал начать день так настойчиво, будто имел на это право. Девушка лежала с закрытыми глазами и делала вид, что не слышит. За тонкими шторами серел ранний свет: ещё не утро, а его черновик -мутный, холодный, недоделанный.

— Уже встаю, -хрипло сказала она в пустую комнату, хотя вставать пока не собиралась.

Студия встретила привычной теснотой: кровать, стол, узкая кухня, шкаф у стены, несколько коробок под окном, которые третий месяц должны были переехать на балкон, если бы балкон существовал. В двадцати пяти квадратных метрах всё находилось слишком близко, и даже воздух по утрам казался использованным. Здесь трудно было потеряться. Зато легко - почувствовать, что жизнь собрали из компромиссов и поставили на минимальную площадь.

Телефон удалось нащупать не сразу. Экран вспыхнул слишком ярко, ударил по глазам и показал уведомление от новостного канала:

«Возможны перебои связи в связи с запуском нового энергетического контура»

Под ним висело ещё одно, вчерашнее, от мамы:

«Ты опять не отвечаешь. Я просто хотела узнать, как ты».

Девушка посмотрела на сообщение пару секунд и смахнула его вместе с новостями. Читать новости до кофе было вредно для психики, а отвечать маме до кофе -ещё хуже: после её «как ты?» всегда приходилось выбирать правильную версию себя. Сегодня такой версии не было.

Несколько секунд она просто сидела на краю кровати, глядя в пол. В голове гудело, будто сон не закончился, а только сменил форму. Ночью ей действительно что-то мешало: низкий, тянущийся звук, похожий то ли на далёкий самолёт, то ли на огромный трансформатор за стеной. Гул возникал на границе сна, пропадал, возвращался снова и оставлял после себя неприятное давление в ушах. Утром от него осталась тяжесть за глазами и странное ощущение, что мир проснулся раньше людей и теперь ждёт, когда они заметят.

Завтракать не хотелось. Да и особенно нечем было. На кухне лежал одинокий банан с тёмным боком, в холодильнике стоял йогурт, срок годности которого девушка не хотела проверять из уважения к себе. После короткой оценки запасов решение пришло само: кофе на работе считается едой, если не думать об этом слишком внимательно.

Горячая вода в душе сначала упрямо не шла, потом ударила резко, почти обжигаяще, и пришлось отскочить к стене, тихо выругавшись. Давление в трубах дёрнулось, в сливе что-то булькнуло, а из крана на секунду потянуло металлическим запахом -таким тонким, что его можно было списать на старые трубы. Девушка так и сделала. В этом доме половину странностей можно было списать на старые трубы, вторую -на управляющую компанию.

Полотенце попало с края. Волосы удалось высушить быстро, без попыток сделать красиво, -просто чтобы не капали на воротник. Перед шкафом пришлось задержаться дольше. Вещей хватало, но ни одна не подходила к настроению человека, который уже устал, хотя день ещё не начался. В конце концов рука сама потянулась к любимому розовому костюму: достаточно яркому, чтобы выглядеть собранно, и достаточно удобному, чтобы не ненавидеть себя к обеду.

— Сойдёт, -решила девушка.

У маленького зеркала на столе косметичка раскрылась как аптечка первой помощи. Тонкий слой крема, чтобы скрыть усталость. Немного туши, потому что без неё лицо выглядело так, будто неделя уже победила. Бальзам на губы. Всё. Отражение получилось почти нормальным: не хорошо, не плохо - просто человек, который идёт на работу и делает вид, что выспался.

Телефон снова загорелся. В рабочем чате уже кто-то писал несколько сообщений подряд, одно длиннее другого. Девушка даже не открыла. Если проблема появилась до девяти утра, значит, это была не её проблема. По крайней мере, ещё час она имела право в это верить.

Приложение такси загружалось дольше обычного. Кружок на экране крутился так упорно, будто тоже сомневался, стоит ли сегодня куда-то ехать. Сеть то появлялась, то пропадала; карта на мгновение стала серой, потом рывком вернулась к нормальным цветам. Наконец нашлась белая «Киа». Восемь минут.

Сумка, ключи, телефон, наушники. Потом ключи ещё раз, потому что без этого ритуала выйти из квартиры было невозможно. У двери девушка на секунду замерла и оглянулась: свет выключен, окно закрыто, плита холодная. Жизнь под контролем. Хотя бы в пределах двадцати пяти квадратных метров.

Она уже потянулась к ручке, когда пальцы сами коснулись левого запястья и не нашли привычной тонкой цепочки. Пришлось вернуться к столу. Браслет лежал рядом с косметичкой: серебристый, простой, с маленькой круглой подвеской без узора. Мама подарила его на прошлый день рождения и сказала тогда странную фразу:

«Иногда вещь просто должна быть рядом».

Девушка тогда посмеялась, но с тех пор почему-то ни разу не вышла из дома без него. Замок щёлкнул, металл холодно лёг на кожу, и только после этого внутри стало чуть спокойнее.

На улице было серо и прохладно. Воздух пах мокрым асфальтом, пылью и утренними выхлопами, но в привычную городскую смесь вмешивалось что-то ещё - сухая горечь, как после перегоревшей проводки. Во дворе хлопнула дверь подъезда, кто-то громко ругался по телефону, с дороги донёсся сигнал машины. Обычное утро старательно притворялось обычным.

Девушка отошла от входа, достала из пачки сигарету и прикурила, прикрыв огонёк ладонью от ветра. Первая затяжка была горькой и привычной. Дым ушёл в сторону дороги, расплылся тонкой лентой и почему-то долго не рассеивался.

В приложении оставалось семь минут.

Такси почти не двигалось.

— Конечно, - тихо сказала она. - Куда же без этого.

У подъезда стояла соседка с маленькой собакой. Обычно пёс тянул поводок к кустам с такой уверенностью, будто там решалась судьба человечества, но сегодня вдруг остановился, поджал хвост и уставился куда-то вверх, на серое небо между домами.

— Доброе утро, - сказала соседка.

— Если вы так считаете.

Соседка усмехнулась, но сразу снова посмотрела на небо. Лицо у неё было не испуганное - скорее недовольное, как у человека, которому мешают понять, что именно не так.

— Слышали ночью?

— Что?

— Гул какой-то. Будто самолёт низко прошёл. Или поезд под землёй. У нас стаканы в серванте звенели.

Девушка пожала плечами.

— Я спала.

На самом деле спала плохо. Но обсуждать собственную бессонницу у подъезда, с сигаретой в руке и пустым желудком, не хотелось. Чужие тревоги имели неприятное свойство прилипать.

Собака тихо заскулила. Не громко, без истерики, но так тонко, что звук прошёл по коже. Соседка одёрнула поводок, пробормотала что-то ласковое, а девушка машинально подняла глаза. Небо выглядело низким и плотным. На севере, там, где за кварталами начиналась промышленная зона, висело бледное пятно, едва заметное за облаками. Не солнце. Солнце должно было быть в другом месте.

Телефон снова прислал уведомление:

«Возможны перебои связи из-за плановых работ на энергетическом объекте»

Палец смахнул сообщение быстрее, чем глаза успели дочитать. Плановые работы, пробки, срочные отчёты, чужие разговоры у подъезда – всё это было частью одного большого, скучного механизма, который каждое утро запускался заново. Если начать обращать внимание на каждый скрип, можно было так и не выйти из дома.

Такси свернуло во двор через десять минут вместо восьми. Водитель остановился чуть дальше подъезда, и пришлось идти по лужам, осторожно обходя мокрые пятна у бордюра. Окурочок полетел в урну. Сумка легла на плечо привычным весом.

— Здравствуйте, -сказал водитель, не оборачиваясь.

— Доброе, -ответила девушка и села на заднее сиденье.

До бизнес-центра добрались почти вовремя, хотя город по дороге вёл себя страннее обычного. На одном перекрёстке светофор мигал жёлтым, хотя пробок ещё не было; на другом электронное табло показывало сразу три разных времени, и ни одно не совпадало с телефоном. Радио у водителя несколько раз захрипело, проглотило половину фразы диктора и вернулось рекламой окон, которые обещали тишину, тепло и рассрочку без переплат. На проспекте, возле остановки, люди стояли слишком неподвижно, задрав головы к небу, но машина быстро проехала мимо, и объяснение осталось где-то за стеклом.

Девушка пыталась не смотреть на северное пятно. Чем дольше его замечаешь, тем труднее убедить себя, что это просто свет между облаками.

Такси остановилось у бизнес-центра в восемь пятьдесят две. У крыльца уже толпились люди: кто-то допивал кофе, кто-то говорил по телефону, кто-то стоял с таким лицом, будто мысленно увольнялся третий год подряд. Стеклопакеты открывались и закрывались, выпуская наружу запах кофе, влажной одежды и дешёвого освежителя воздуха из холла.

Пачка сигарет в сумке оказалась почти пустой.

«Пора бросать», -подумала девушка.

Мысль пришла привычно, без нажима. Она появлялась часто: утром у подъезда, вечером после работы, иногда ночью у открытого окна, когда город шумел внизу и казался бесконечным. Эта мысль ни к чему не обязывала. Просто ещё одна попытка доказать себе, что над жизнью всё ещё есть контроль.

Внутри бизнес-центра было теплее и шумнее. На первом этаже гудели голоса, пищали турникеты, шуршала тележка уборщицы у входа. Над стойкой администратора висел экран с новостями без звука. Бегущая строка сообщала о запуске дополнительного контура на Северном энергетическом кластере и возможных кратковременных переboях связи. Ниже мелькали кадры: серые корпуса, вышки, ограждения, люди в касках, длинная линия проводов, уходящая в туман.

Бариста заметил её сразу.

— Латте?

— Покрепче.

— Как всегда?

— Сегодня ещё крепче, чем всегда.

Он хмыкнул и потянулся к стакану. Терминал оплаты сначала не принял карту, потом завис, издал короткий жалобный звук и всё-таки показал зелёную галочку.

— Связь с утра чудит, -сказал бариста. -У нас уже два платежа в никуда ушли.

— Главное, чтобы мой кофе не ушёл туда же.

— За кофе я отвечаю.

Она забрала стакан и направилась к лифтам. Возле дверей стояли трое сотрудников из соседней компании и обсуждали ночной гул. Один уверял, что это учения. Второй говорил, что у него дома мигал свет. Третья молчала и смотрела в телефон, на экране которого вместо ленты новостей крутилась пустая загрузка.

Лифт поднялся на двенадцатый этаж слишком плавно, почти без обычного рывка. На секунду в кабине стало темнее, лампы под потолком мигнули, а в зеркальной стене отражение девушки будто запоздало на долю мгновения. Возможно, просто усталость. Возможно, слишком крепкий кофе ещё не успел начать действовать.

Офис строительной компании занимал половину этажа. Остальную половину занимали соседи, которые постоянно делали вид, что у них всё серьёзнее. У них же было просто: директор, бухгалтерия, несколько менеджеров, она и документы. Очень много документов.

По трудовому договору девушка числилась юристом. По факту была юристом, менеджером, делопроизводителем, переговорщиком, иногда секретарём и человеком, которого спрашивали, где лежит печать. Это бесило. Но зарплата была хорошая. Настолько хорошая, чтобы терпеть чужие «срочно», «там на пять минут» и «ты же всё равно лучше всех понимаешь».

На рабочем столе всё лежало в порядке, который со стороны казался хаосом: папки с договорами, стикеры, две ручки, одна из которых давно не писала, кружка с надписью, утратившей актуальность ещё в прошлом году. Девушка поставила кофе справа от клавиатуры, открыла почту и успела прочитать три письма, прежде чем директор выглянул из кабинета.

— Ты видела рассылку от администрации?

— Если там не написано, что рабочий день отменён, то не видела.

— Очень смешно. Проверь потом. Там что-то по северной зоне.

Северная зона. Энергетический объект. Плановые работы. Слова за утро встречались слишком часто, но пока не складывались в угрозу. Скорее в раздражающий фон, как звук дрели у соседей: бесит, но жить можно.

К одиннадцати приехали представители подрядчика. Один сразу начал говорить про партнёрство, второй положил на стол папку и посмотрел на её руки. Рукава розового костюма были закатаны почти до локтей. На левой руке тянулись цветы -тёмные линии, мягкие лепестки, тонкие стебли. На правой дракон изгибался вдоль предплечья и уходил хвостом под манжет.

— Красиво, -сказал мужчина с папкой. -Не ожидал увидеть такое у юриста.

Девушка улыбнулась рабочей улыбкой. Той самой, которая ничего не обещала и почти ничего не стоила.

— А дракон что означает? -спросил подрядчик.

Она перевернула страницу договора.

— Что в пункте 4.2 вы изменили срок оплаты с пяти дней на семь. Давайте начнём с этого.

Переговоры потянулись почти до обеда. Когда подрядчик в третий раз назвал правку «стандартной», девушка открыла предыдущую редакцию договора, положила оба варианта рядом и подчеркнула строку ручкой. В старой версии оплату привязывали к фактически выполненным работам, в новой -к «объёму, признанному достаточным». Она спокойно сказала, что это не стандартная формулировка, а лазейка. После этого в переговорной стало тише: спорить с ней было можно, но делать вид, что она чего-то не заметила, уже не получалось.

За стеклянной перегородкой кто-то ругался с поставщиками, в бухгалтерии зависла программа, у менеджеров пропала связь на телефонах. Несколько раз свет в офисе становился тусклее, но не гас. Кулер возле кухни сам включился и долго булькал, хотя рядом никого не было. В обычный день всё это растворилось бы в офисном шуме, но сегодня мелкие сбои словно цеплялись друг за друга, образуя невидимую трещину.

После обеда девушка наконец открыла письмо от городской администрации.

Тема была скучная:

«О временном ограничении строительных работ».

Содержание -не лучше. В северной промышленной зоне запрещались высотные работы после шестнадцати ноль-ноль, ограничивался проезд тяжёлой техники и рекомендовалось проверить крепление временных конструкций. Отдельной строкой шло предупреждение о возможных перепадах напряжения, нарушениях связи и кратковременных сбоях навигационных систем.

Причина:

«Проведение технических мероприятий на энергетическом объекте».

Девушка перечитала фразу два раза.

Прекрасное выражение. Под него можно было спрятать что угодно -от замены лампочки до конца света.

За окном офисного этажа город выглядел привычным только на первый взгляд. Машины ползли по дорогам, люди входили в торговый центр напротив, на крыше соседнего здания лениво шевелился рекламный баннер. Но небо к северу стало светлее. Пятно за облаками больше не казалось случайным просветом. Оно не сияло, не вспыхивало, не привлекало внимания так, как должен привлекать настоящий пожар. Просто висело там -бледное, ровное, неправильное.

Ровно в шестнадцать ноль-ноль офис на несколько секунд замолчал. Оборвался гул кондиционера, мигнули лампы, на мониторах одновременно зависли рабочие окна. Электронные часы на стене сначала показали 16:00, потом на мгновение -невозможное 15:99 -и снова вернулись к нормальному времени. Кто-то нервно засмеялся, кто-то сказал, что пропал интернет, но девушка уже смотрела в окно. Северное пятно стало ярче, хотя солнце давно ушло в другую сторону. Она машинально коснулась браслета на запястье и почувствовала, что металл стал ледяным.

После этого сеть в офисе просела окончательно. Мессенджеры отправляли сообщения с задержкой, почта зависала, у кого-то на телефоне сбилось время. Директор бегал между кабинетами и требовал не паниковать, хотя никто особенно не паниковал. Люди умеют удивительно долго не замечать катастрофу, если она приходит в рабочий день и без официального письма.

В семнадцать ноль две она выключила компьютер.

В семнадцать ноль три директор написал:

«На завтра с утра надо будет срочно посмотреть один договор».

Девушка посмотрела на сообщение и убрала телефон в сумку. Некоторые срочные вещи прекрасно доживали до утра, если их не трогать.

На улице у бизнес-центра тянуло вечерним холодом. Воздух стал суше, тяжелее, и в нём снова чувствовалась та самая горечь перегретого металла. Людей у входа было больше обычного. Кто-то не мог вызвать такси, кто-то спорил с охраной, кто-то пытался дозвониться домой и повторял в трубку: «Алло? Алло, ты меня слышишь?» -так, будто от громкости зависела связь.

Девушка открыла приложение. Карта загрузилась не сразу, машины на экране прыгали с улицы на улицу, одна почему-то ехала через здание торгового центра. Наконец заказ принял водитель в сером седане. Пять минут.

Пачка сигарет снова оказалась в руке.

«Пора бросать», -подумала девушка.

Потом прикурила.

Машина приехала почти вовремя. Водитель оказался разговорчивым, из тех, кто считал молчание личным оскорблением. Едва она села на заднее сиденье, он кивнул на телефон, закреплённый у панели.

— В северную сторону сегодня лучше не ехать. Там всё перекрывают. Говорят, на станции что-то.

— Мне не туда.

— И хорошо. А то люди пишут: свет мигает, связь пропадает, навигаторы чудят. У меня вот показывает, что мы сейчас в реке. Странный день какой-то.

Девушка посмотрела в окно. Стекло́нный фасад бизнес-центра отражал серое небо и бледное светлое пятно где-то далеко на севере. Отражение дрожало на неровной поверхности, и на секунду показалось, будто свет не висит в небе, а поднимается из-под земли.

Телефон в сумке завибрировал. Девушка достала его, ожидая увидеть сообщение из рабочего чата, но экран показывал пустую сеть и одно новое уведомление от мамы:

«Позвони мне, как сможешь».

— Вы не боитесь?

Вопрос прозвучал слишком прямо. Не как обычная болтовня, а как будто он сам хотел услышать от кого-нибудь спокойный ответ.

Девушка сделала вид, что не сразу поняла.

— Нет, -сказала она.

Это была первая ложь за день.

Глава 2

Домой девушка добралась почти в шесть. Такси высадило её у магазина возле дома, и сначала хотелось пройти мимо: подняться к себе, закрыть дверь, снять этот дурацкий день с плеч вместе с пиджаком и больше не принимать никаких решений. Но тут вспомнился пустой холодильник, одинокий банан с тёмным боком и йогурт, который, возможно, уже начал новую самостоятельную жизнь, поэтому пришлось всё-таки свернуть к входу. Автоматические двери магазина разъехались, выпуская наружу запах выпечки. Внутри было слишком ярко и странно тихо: обычно в это время между полками кто-нибудь спорил о скидках, дети требовали шоколад, кассиры переговаривались через весь зал, но сейчас люди двигались медленнее обычного и говорили вполголоса, словно в помещении находился кто-то спящий.

В кулинарии оставались курица с рисом, салат в пластиковом контейнере и какие-то котлеты, выглядевшие так, будто многое повидали и мало чему удивлялись. Девушка выбрала курицу не потому, что хотелось именно её, а потому что у курицы был самый нейтральный вид - качество, которое к вечеру начинало казаться почти роскошью. У кассы мужчина перед ней третий раз прикладывал телефон к терминалу; терминал пищал, думал, потом показывал ошибку, и мужчина раздражался всё сильнее, будто оправдывался не перед продавщицей, а перед всем миром.

— Да у меня деньги есть. Я только что баланс смотрел.

— Не проходит, - устало ответила кассирша. - Связь падает. Попробуйте наличными.

— У кого сейчас наличные?

Кассирша промолчала с выражением человека, который за последние два часа слышал этот вопрос слишком много раз. Когда очередь дошла до девушки, терминал неожиданно ожил, хотя оплата прошла не сразу: зелёная галочка появилась после длинной паузы, будто система сначала посоветовалась с кем-то невидимым и только потом решила разрешить эту маленькую бытовую сделку.

— Пакет нужен? - спросила кассирша.

— Нужен, - коротко ответила девушка.

На выходе в стеклянных дверях отразилась улица: серые дома, мокрый асфальт, редкие прохожие, фонарь, который днём почему-то уже горел. Над крышами, если смотреть в сторону северной промзоны, всё ещё держалось то бледное пятно. К вечеру оно не исчезло, не рассеялось и не стало похоже на обычное облако - просто висело там, ровное и чужое, как дефект на стекле. Дома было тихо, и в этом состояла главная роскошь её маленькой студии: за дверью оставались директор, подрядчики, город, новости, северный кластер и водитель, задавший слишком прямой вопрос. Здесь помещались только кровать, стол, узкая кухня, шкаф, чужие обязательства на завтра и собственная усталость, которую хотя бы не нужно было никому объяснять.

Обувь осталась у двери, пиджак переехал на спинку стула, сумка - на пол рядом с кроватью. Еда отправилась в микроволновку, чайник - шуметь, телефон - на зарядку. На экране успело мигнуть сообщение от мамы, то самое, пришедшее ещё в такси: «Позвони мне, как сможешь». Девушка посмотрела на него и снова заблокировала экран. Странно было не само сообщение - мама умела писать коротко и тревожно, будто каждое слово ей приходилось вытаскивать из себя силой. Станным было то, что отвечать сейчас совсем не хотелось. Хотелось есть. Готовая еда была одним из лучших изобретений человечества. После душа, обезболивающих и интернета. Возможно, даже после интернета - если интернет работал.

Девушка переоделась в широкую футболку, забрала тарелку и устроилась на кровати с ноутбуком. Вечер виделся простым и почти прекрасным: поесть, посмотреть серию, ни с кем не разговаривать и лечь спать до того, как жизнь снова вспомнит о её существовании. Но стра-

ница любимого сериала не загрузилась. Сначала это не насторожило: сайты имели право быть капризными, особенно в конце дня. Девушка подождала, обновила страницу, посмотрела на значок интернета, потом на роутер. Тот мигал так, будто сам не был уверен, жив он или нет.

— Только не сейчас, - сказала она ему.

Пришлось встать, выдернуть провод, сосчитать до десяти и воткнуть обратно. Древний ритуал иногда помогал технике вспомнить своё предназначение, но сегодня явно не был тем днём, когда мир собирался уважать ритуалы: роутер моргнул, погас, снова заморгал, а ноутбук по-прежнему показывал пустую страницу. На телефоне мобильный интернет тоже не работал. Сообщения в мессенджере висели с маленьким серым кружком, словно думали, стоит ли вообще отправляться в этот мир. В рабочем чате кто-то успел написать обрывок фразы: «У кого-нибудь тоже» - и дальше ничего не загрузилось.

Тишина квартиры стала плотнее. Обычно её разбавляли чужие видео за стеной, машины во дворе, музыка у соседей сверху, но сейчас звуки будто отходили всё дальше. Только микроволновка коротко пискнула, сообщая, что ужин готов пережить ещё один вечер вместе с ней. Девушка набрала Ника. Гудки пошли не сразу: сначала в трубке что-то щёлкнуло, зашипело, потом наконец раздался его голос.

— Если ты по поводу интернета, то я уже официально страдаю.

От его интонации стало легче. Ник всегда умел звучать так, будто конец света - это просто неудобный пользовательский сценарий, который кто-то плохо протестировал.

— У тебя тоже нет?

— Нет. Я сначала подумал, что это мой провайдер умер от стыда, но Тина уже написала, что у неё тоже всё лежит.

— Написала?

— СМС. Представляешь? Мы вернулись в каменный век. Ещё немного, и я начну передавать мемы на бересте.

На фоне что-то глухо щёлкнуло.

— Это что было? - спросила девушка.

— Свет моргнул. Второй раз за вечер. У меня лампа сейчас сделала вид, что она дискотека.

Голос Ника на секунду стал металлическим и чужим, словно говорил не из соседнего района, а из глубокой трубы.

— Алло?

— Я тут. Слушай, Тина предлагает выйти пройтись. Раз уж цивилизация временно закончилась.

Девушка посмотрела на тарелку, потом на ноутбук, потом на тёмное окно. Внутри спорили усталость и привычка соглашаться на людей, которые давно перестали быть просто людьми из списка контактов. Ник и Тина были тем редким исключением, ради которого можно было выйти из дома даже после рабочего дня. Их дружба держалась не на постоянном общении, а на странной уверенности: если станет совсем плохо, эти двое окажутся рядом быстрее, чем интернет загрузит карту.

— Сейчас?

— А что? Без интернета мы всё равно бесполезны.

— Дай мне десять минут доесть.

— Пять.

— Десять, Ник. Я юрист. Я умею спорить дольше, чем ты хочешь жить.

— Ладно, десять. Но если за это время сеть вернётся, мы всё равно будем делать вид, что решили гулять добровольно.

Она усмехнулась и отключилась. Курица с рисом оказалась пересушенной, но горячее, а значит - приемлемой. Пока ела, в квартире дважды едва заметно дрогнул свет: не погас, не

мигнул резко, просто на долю секунды стал слабее, как будто где-то далеко огромная система сделала вдох. Через десять минут девушка накинула куртку, проверила ключи и телефон, а потом зачем-то ещё раз дёрнула дверную ручку, хотя прекрасно помнила, что закрыла замок. День оставил после себя неприятную привычку ждать подвоха даже от обычных вещей.

На лестничной клетке пахло пылью, краской и чьим-то ужином. На третьем этаже сосед пытался поймать сеть у окна подъезда, вытянув руку с телефоном так, будто предлагал его небу в жертву.

— У вас тоже не ловит? -спросил он.

— У всех не ловит.

— По телевизору сказали, плановые работы.

— Тогда точно всё хорошо, -сказала девушка и пошла вниз.

У маленького магазина через дорогу Ник уже стоял у входа в чёрной худи, засунув руки в карманы. Волосы у него были растрёпаны так, будто он только встал, хотя наверняка весь день сидел за компьютером и ругался с чужим кодом. В университете он выглядел почти так же: худой, вечно невыспавшийся, с выражением лица человека, который понял систему, но система отказалась понять его в ответ. Тина появилась минутой позже -короткая куртка, яркая помада, серьги-кольца и взгляд, которым можно было либо покорять мир, либо требовать у него компенсацию за моральный ущерб. Когда-то они втроём познакомились на студенческом фестивале, где Ник отвечал за звук, Тина -за то, чтобы все делали хоть что-то, а девушка случайно спасла мероприятие, найдя в договоре с площадкой пункт, позволявший не платить штраф. С тех пор всё как-то и продолжилось: сессии, первые работы, съёмные квартиры, расставания, панические звонки, дни рождения на кухнях, сообщения в три ночи и обещания «надо чаще видаться», которые выполнялись реже, чем хотелось, но всё равно значили много.

Ник кивнул на магазин.

— Вино?

— Завтра на работу.

Все трое помолчали. Потом Тина сказала:

— То есть вино.

В магазине стало ещё тише, чем днём. Холодильники гудели с натугой, лампы под потолком иногда едва заметно вздрагивали, а у кассы мужчина ругался с терминалом; продавщица уже не пыталась выглядеть сочувствующей.

— Не проходит, -повторяла она. -Только наличка.

— У кого-нибудь есть наличка? -спросил Ник с надеждой человека, который заранее знает ответ.

Тина торжественно достала из кармана смятую купюру.

— Я знала, что однажды моя недоверчивость к банкам спасёт вечер.

— Ты говорила, что просто забываешь разбирать карманы, -заметила девушка.

— Не обесценивай мою финансовую стратегию.

Они взяли недорогое красное вино, пластиковые стаканчики и пачку солёных сухариков, потому что взрослая жизнь требовала баланса. На кассе свет мигнул, экран терминала на секунду показал набор бессмысленных символов, потом погас. Продавщица даже не подняла глаз.

— Плановые работы, -сказала она так, будто это объясняло и терминал, и их жизни, и всё, что могло случиться дальше.

Лавочка нашлась во дворе между двумя домами: не самая удобная, зато под фонарём и почти без ветра. Двор был старый, с кривой детской площадкой, облезлыми качелями и тополями, которые летом засыпали всё пухом, а осенью выглядели как усталые свидетели чужих разговоров. Они сели втроём, как в студенческие времена, хотя студенческие времена давно

закончились и теперь у каждого были счета, работа и причины не отвечать на звонки после семи вечера. Вино оказалось терпким и чуть кислым.

— На вкус как мой рабочий день, - сказала девушка после первого глотка.

— Такой же дешёвый? - уточнил Ник.

— Такой же сомнительный.

Тина подняла стаканчик.

— За сомнительные рабочие дни. Чтобы они заканчивались раньше нас.

Пластик тихо стукнулся о пластик. Где-то вдалеке коротко взвыла сигнализация и тут же стихла. Первые минуты говорили о ерунде: о работе, плохом кофе, соседях, ценах, странном типе из приложения доставки, который однажды привёз Тине чужой заказ и очень обиделся, когда она отказалась принять восемь килограммов корма для попугаев. Ник жаловался, что начальник прислал задачу с пометкой «не срочно», а через шесть минут спросил, готово ли. Тина рассказывала про клиентку, которая требовала вернуть деньги за стрижку, потому что «жизнь после неё не изменилась». Девушка слушала, смеялась и впервые за день чувствовала, что плечи немного отпустило. С этими двумя можно было не держать лицо: не быть собранной юристкой в розовом костюме, не отвечать уверенно, не делать вид, что всё под контролем. Ник видел её рыдающей над дипломом в три часа ночи и всё равно принёс кофе вместо советов. Тина однажды приехала через весь город после короткого сообщения «мне плохо» и не задала ни одного лишнего вопроса, просто села рядом на кухонный пол. Дружба с ними была не громкой, не идеальной, иногда с паузами на недели, но настоящей - такой, где можно молчать и всё равно быть услышанной.

— У тебя лицо сегодня такое, будто ты мысленно уволила половину человечества, - сказала Тина, внимательно глядя на неё поверх стаканчика.

— Только директора.

— Наконец-то разумные масштабы.

— Он в семнадцать ноль три написал, что завтра с утра надо срочно посмотреть договор. Ник присвистнул.

— В семнадцать ноль три? Это уже не управление, это некромантия рабочего дня.

— Я сделала вид, что не видела.

— Горжусь, - сказала Тина. - Маленькими шагами к свободе.

Девушка улыбнулась, но улыбка быстро сошла. В голове всплыло сообщение от мамы: «Позвони мне, как сможешь». Фраза была обычной, почти будничной, но почему-то сидела под кожей занозой. Тина заметила, как она снова посмотрела на телефон, хотя сети всё равно не было.

— Мама?

Девушка коротко усмехнулась.

— Угу. Написала, чтобы я позвонила.

— И?

— И я, как взрослая самостоятельная женщина, решила сделать вид, что не видела.

— Зрелая позиция, - сказал Ник. - Одобряю. Я так со счетами за коммуналку общаюсь.

Тина не улыбнулась.

— Позвони ей завтра. Не потому что апокалипсис. Просто позвони.

— Завтра, - сказала девушка.

Это прозвучало почти убедительно. Фонарь над ними моргнул: раз, потом второй. На третьем мигании свет стал чуть ярче обычного, почти белым, и лица друзей на секунду потеряли тёплые оттенки. Тина подняла голову, Ник замолчал на полуслове. Через мгновение фонарь вернулся к нормальному жёлтому, но после этого двор уже не казался таким уютным. Тина достала телефон: сети не было, вместо привычных полосок - пустота.

— У меня вообще не ловит.

— У меня тоже, -сказала девушка.

Ник повертел свой телефон в руке, как будто сигнал можно было вытрясти.

— Может, реально авария какая-то. Или перегруз после этих их энергетических мероприятий.

— Ты сам веришь?

— Я стараюсь. Это дешевле терапии.

Они одновременно посмотрели на север. Между домами виднелся кусок неба; уже стемнело, но у самого горизонта стояло слабое молочное свечение. Не зарево пожара, не свет города, не рекламный прожектор -что-то ровное, холодное и неприятно неподвижное.

— Это там станция? -спросила Тина.

— Северный кластер где-то в той стороне, -сказал Ник. -Там ещё промзона, старые склады и новая подстанция. Я читал утром, что они запускали какой-то контур.

— Звучит как название места, где в фильмах всё обязательно идёт не так, -сказала девушка.

Во дворе снова стало тихо. Даже разговоры у подъездов стихли. На балконе пятого этажа женщина курила и тоже смотрела на север. В соседнем доме в одном из окон мигнул телевизор: картинка рассыпалась на цветные квадраты, звук донёсся обрывком чужой фразы -«гражданам рекомендуется сохранять» -и пропал.

— Сохранять что? -спросила Тина.

— Видимо, всё, что осталось, -сказал Ник.

Время незаметно ушло куда-то вперёд: сначала было просто темно, потом стало совсем ночью. Вино закончилось, сухарики тоже, разговоры несколько раз уходили в молчание и возвращались обратно. Они вспоминали университетского преподавателя, который всегда говорил «коллеги» так, будто собирался продать их на аукционе; спорили, кто из знакомых первым построил жизнь, похожую на взрослую, и пришли к выводу, что никто. Ник признался, что иногда завидует людям, умеющим хотеть что-то одно больше трёх месяцев подряд. Тина сказала, что боится однажды проснуться и понять, что стала человеком, который живёт только ради работы, скидок и сериала по вечерам. Девушка хотела сказать, что это уже слишком близко к её собственному расписанию, но вместо этого допила вино.

— Зато у нас есть лавочка, кислое вино и отсутствие интернета, -сказал Ник. -Почти ретрит.

— Очень бюджетный, -добавила Тина.

— Зато без уведомлений.

Девушка посмотрела на них и вдруг почувствовала острую, почти болезненную нежность. Эти двое были её выбранной семьёй, пусть никто никогда не произносил это вслух. С родной семьёй всё было сложнее: недосказанность, обиды, мамино «как ты», от которого хотелось спрятаться. А здесь было проще. Можно было сказать «мне страшно» -и, возможно, никто бы не стал чинить её жизнь. Просто сели бы ближе. Где-то далеко снова прошёл низкий гул -не гром, не поезд, не самолёт. Земля под ногами едва заметно отозвалась вибрацией, и на лавочке тихо звякнул пластиковый стаканчик.

Ник медленно повернул голову к северу.

— Вы это почувствовали?

— Нет, -сказала Тина слишком быстро.

— Это не считается, если ты врешь плохо.

— Тогда да. Почувствовала.

Молочное свечение у горизонта стало чуть шире. Оно не вспыхивало и не пульсировало, просто занимало больше места в небе, будто кто-то очень медленно стирал темноту. Девушка посмотрела на часы и выругалась.

— Половина первого.

— Завтра все умрём, -сказал Ник.

— Завтра все на работу, -поправила Тина.

— Это я и сказал.

Она встала, чувствуя, как после сидения затекли ноги.

— Всё. Я домой. Если завтра просплю, скажу, что это последствия техногенной катастрофы.

— Хорошая версия, -сказал Ник. -Главное, не забудь приложить справку от апокалипсиса.

До перекрёстка дошли вместе. Город казался выцветшим: редкие машины проезжали медленнее обычного, окна домов гасли одно за другим, а в воздухе висела сухая горечь перегретого металла. У пешеходного перехода светофор внезапно переключился с красного на зелёный, потом на жёлтый, потом снова на красный. Ник показал ему средний палец.

— Техника сегодня явно переживает личностный кризис.

Тина обняла девушку крепко и быстро, как всегда. От неё пахло вином, помадой и холодным воздухом.

— Напиши, как дойдёшь.

— Интернета нет.

— СМС ещё работают.

— Дойду -напишу.

Ник стукнул её кулаком в плечо, но задержался на секунду дольше обычного.

— Если что -звони. Даже если связь будет как из подвала ада.

— Ты же ненавидишь звонки.

— Для тебя сделаю вид, что не ненавижу.

— Какая жертва.

— Цени.

Они разошлись у перекрёстка. Девушка оглянулась через несколько шагов: Тина и Ник шли в другую сторону, спорили о чём-то, их голоса сливались с ночным воздухом. На секунду захотелось догнать их, сказать что-нибудь важное, но важные слова всегда выглядели нелепо без повода. Поэтому она просто пошла домой. Подъезд встретил темнотой: лампа над почтовыми ящиками не горела, лифт стоял на первом этаже с раскрытыми дверями и пустым чёрным нутром. Подниматься пришлось пешком. На лестнице было душно, стены пахли сыростью и старой краской. Где-то за дверью плакал ребёнок, а взрослый голос устало повторял: «Всё нормально, просто свет моргнул». На четвёртом этаже из-под двери соседей пробивалась синеватая полоска телевизора, но звук шёл с задержкой: сначала смех из передачи, потом фраза, потом тишина.

В квартире было тихо и жарко. Слишком жарко для ночи. Девушка закрыла дверь, скинула одежду и пошла в душ. Горячая вода ударила по плечам, смыла запах улицы, дыма, дешёвого вина и чужой тревоги. Несколько минут она просто стояла под струями, упираясь ладонями в плитку, и пыталась не думать ни о северном свечении, ни о мамином сообщении, ни о том, что завтра всё равно придётся отвечать на письма. День наконец-то заканчивался, и это было лучшее, что он мог для неё сделать. После душа чистая футболка показалась почти праздником. Девушка почистила зубы, поставила стакан на раковину и отправила Тине короткое СМС: «Дома. Жива». Сообщение долго висело без статуса, потом всё-таки ушло. От Ника пришло почти сразу: «Если завтра интернета не будет, я увольняюсь из общества». Следом, спустя минуту, от Тины: «Спи. И завтра позвони маме. Да, я зануда».

Девушка усмехнулась, но ответить не успела. Телефон снова потерял сеть: на экране мигнула пустота, потом одна слабая полоска, потом снова ничего. Зарядка то появлялась, то пропадала, хотя провод был воткнут нормально, и пришлось положить телефон на край стола так, чтобы не трогать его лишний раз. За окном двор был тёмным. Фонарь под окнами больше не

мигал, он просто горел ровно и жёлто, как будто ничего странного за вечер не произошло. Если не смотреть на северное небо между домами, можно было почти поверить, что мир вернулся в обычное состояние. Завтра нужно будет встать, купить кофе, приехать в офис, разобраться с договором, который директор уже считал решённым, хотя она его даже не открывала. Потом, возможно, позвонить маме. Или хотя бы написать. Спросить, почему её сообщение весь день не выходило из головы и почему от простого «позвони мне» было так не по себе. Завтра всё снова станет обычным, и от этой мысли стало почти спокойно.

Сначала исчез звук -не резко, просто мир будто кто-то накрыл плотным стеклянным колпаком. За окном не проехала ни одна машина, не хлопнула дверь подъезда, не залаяла собака. Даже холодильник на кухне перестал гудеть, и тишина стала такой полной, что собственное дыхание показалось чужим. Девушка открыла глаза. В темноте комнаты мигал экран телефона: зарядка то появлялась, то пропадала. Потом завибрировало стекло -тихо-тихо, почти нежно, будто кто-то провёл пальцем по краю бокала. Она села на кровати.

— Что за

Договорить не получилось. За шторами стало светло -не как от молнии, потому что молния вспыхивает и пропадает, а этот свет не пропал. Он разгорался медленно, будто за домами поднималось второе солнце. Только солнце было неправильным: бело-синим, холодным, слишком чистым. Комната наполнилась бледным сиянием. Стены, шкаф, стол, чашка на подоконнике -всё потеряло привычные тени, предметы стали плоскими, чужими, нарисованными. Кожа на запястьях покрылась мурашками, будто по комнате прошёл ледяной сквозняк, хотя воздух был горячим и густым. Девушка встала, не понимая зачем, и подошла к окну.

На севере небо раскрылось. Там не было огненного гриба, как в старых фильмах, и не было пламени. Был столб света -огромный, беззвучный, уходящий вверх так высоко, что казалось, он проткнул облака и достал до чего-то за ними. Внутри столба двигались тонкие тёмные прожилки, похожие на трещины в стекле или на вены под слишком светлой кожей. Потом свет дрогнул и пошёл в стороны волной. Она увидела, как эта волна катится над городом -не разрушая сразу, не сжигая, а проходя сквозь дома, крыши, деревья, стекло. Окна в соседнем доме вспыхивали одно за другим, будто внутри каждой квартиры на миг зажигали белые лампы. На крыше напротив антенны выгнулись, как травинки под невидимым ветром. Где-то внизу срабатывали все автомобильные сигнализации сразу, но звука по-прежнему не было. Только свет.

Телефон на столе коротко пискнул и погас. Лампочка под потолком вспыхнула так ярко, что стекло внутри неё лопнуло, и только тогда пришёл звук -низкий, глубокий, будто сам город застонал под землёй. Пол ушёл из-под ног. Стекло в окне выгнулось внутрь, на секунду стало мутным, затем рассыпалось. Девушка отшатнулась, закрывая лицо руками, но свет уже был в комнате. Он не падал на кожу -он проходил сквозь неё. На мгновение стали видны собственные пальцы, тонкие кости, тёмные линии вен. На левой руке вспыхнули цветы, каждый лепесток будто налился молочным огнём. На правой дракон ожил на долю секунды: линия его спины засияла, изгиб хвоста дрогнул, глаз стал крошечной белой точкой.

Боль пришла сразу после этого -тонкая, ледяная, невозможная. Она прошла под кожей от пальцев к локтям, будто кто-то провёл по венам раскалённой проволокой, только холодной. Сначала боли почти не было, только жар, но потом жар стал слишком сильным. Девушка попыталась вдохнуть, однако воздух оказался густым, металлическим, как будто вместо кислорода в комнату налили раскалённую пыль. Где-то в доме закричали. Или ей показалось. Крик распался в гуле, как бумага в воде. Колени ударились о пол, ладони горели, хотя доски под ними были холодными. Под пальцами пробежала крошечная искра -синяя, живая, невозможная, и она смотрела на неё, не понимая, настоящая ли это искра или просто умирающий мозг показывает красивые картинки напоследок.

Свет стал ещё ярче. Он заполнил всё: комнату, глаза, горло, мысли. Где-то далеко, в последнем тёмном углу сознания, мелькнули Ник и Тина на лавочке, мамино сообщение,

пустой холодильник, розовый костюм на спинке стула и завтрашний договор, который уже никогда не будет срочным. Она успела подумать только одно: «Сейчас всё пройдёт».

Это была вторая ложь.

Глава 3

Сначала вернулась тишина. Не звук, не свет, не боль -именно тишина: плотная, неправильная, будто весь город накрыли стеклянным куполом, а внутри забыли оставить воздух. За окном не шумели машины, не кричали дети во дворе, не хлопали двери подъездов. Даже холодильник на кухне молчал. Не было привычного слабого гула электричества -того самого, который обычно не замечаешь, пока он не исчезнет. Потом пришла боль. Не резкая, не такая, от которой хочется заорать, согнуться пополам и вцепиться зубами в край одеяла. Другая. Она была внутри, глубоко, где-то там, куда невозможно ткнуть пальцем и сказать: «Вот здесь». Не в груди, не в животе, не в костях. Скорее под всем этим. Будто внутри тела появился маленький раскалённый камень и теперь лежал там -чужой, тяжёлый, живой.

Веки дрогнули. Мир не появился сразу: перед глазами расплзлось мутное серое пятно, свет и тень смешались, превратились в бесформенную грязь. Комната угадывалась только по ощущениям -жёсткий пол под плечом, холод у босых ног, пыль на губах, привкус металла во рту. Где-то рядом пахло стеклом, хотя стекло, наверное, не пахнет. Но сейчас пахло всё: пыль, бетон, обгоревшая проводка, её собственная кожа. Паника поднялась почти сразу, и вместе с ней вспыхнуло короткое мерзкое слово, как аварийный сигнал: слепота. Пальцы вцепились в пол. Под ладонью хрустнули мелкие осколки, боль от пореза пришла с задержкой -слабая, почти неважная. Она попыталась сесть, но тело качнулось, словно после долгой болезни. В висках ударило один раз, второй, третий.

— Нет

Голос сорвался хрипом. Слово прозвучало чужим, слишком сухим, будто горло не использовали несколько дней. Сколько прошло времени? Минута? Час? День? Ответа не было. Время исчезло вместе со звуками города. Телефон лежал где-то рядом, но экран не светился. Часы на стене остановились. Электронные часы на тумбочке погасли. Ничто больше не доказывало, что мир всё ещё движется. Взгляд медленно начал собираться: сначала проявился потолок -мутный прямоугольник над головой, потом шкаф, стол, край кровати, перевернутый стул. Всё расплывалось, как сквозь воду, но очертания возвращались. С каждым морганием комната становилась чётче, и вместе с этим возвращалась не радость, а понимание: она видит. Она всё ещё видит.

Дыхание постепенно выравнилось. Комната почти не изменилась, если не считать того, что всё в ней выглядело так, будто внутри прошла невидимая ударная волна. Кровать стояла на месте. На стуле всё ещё висела одежда, только сам стул лежал на боку. На столе остались кружка, ноутбук, стопка бумаг и ручка, скатившаяся к краю. Шторы сорвало с одного крепления, и теперь они висели криво, будто сломанное крыло. На полу блестели осколки. Окно было выбито полностью. В раме торчали неровные зубья стекла, а за ними стоял свет -слишком яркий, белёсый, режущий глаза. Он не был похож на нормальное утро. Нормальное утро не выглядит так, словно кто-то выкрутил насыщенность мира до боли.

Подняться получилось не сразу. Ноги дрогнули, но выдержали. Она ожидала слабости, тошноты, боли в мышцах, хоть чего-то обычного после падения и того безумного света, но тело слушалось. Даже слишком хорошо. Только внутри продолжал пульсировать странный жар -не болезнь, не травма, не температура. Что-то другое. Как будто вчерашняя версия себя осталась лежать на полу, а поднялась уже не совсем она. У окна пришлось остановиться: снаружи был город -и одновременно города больше не было. Солнце висело над крышами безжалостное, яркое, почти пустынное. Воздух казался пересвеченным. Все цвета стали резче, неправдоподобнее: белые стены домов били по глазам, тени уходили в синий, красные машины на парковке выглядели нарисованными. Между зданиями стоял голубоватый смог -не дым, не туман,

а что-то холодное и неподвижное. Он висел в воздухе тонкой пеленой, цеплялся за крыши, лежал в провалах улиц, как вода.

Во дворе не было людей. Ни одного. Качели на детской площадке едва двигались, хотя ветра почти не чувствовалось. Машины стояли криво, некоторые с открытыми дверями. На асфальте валялись ветки, стекло, куски фасада. На лавках и капотах лежал серый налёт. Пепел. Дальше, за соседним домом, улица уходила к проспекту, и там тоже не было движения -только застывшие машины, выбитые окна и странная пустота. Некоторые дома почти не пострадали: трещины на стенах, чёрные дыры окон, осыпавшаяся штукатурка. У других провалились крыши. А там, где ещё вчера стояли две знакомые многоэтажки, теперь лежали руины: бетон, арматура, пыль, обломки балконов. Воздух застрял в груди. Вчера здесь был район. Сегодня -что-то после него.

Никаких сирен. Никаких криков. Никаких спасателей. Даже пожаров почти не видно. Просто пустой мир, укутанный голубым смогом и пеплом. Что произошло? Ответа не было. Но одно стало ясно сразу: прежняя жизнь закончилась. Не постепенно. Не с шансом всё исправить. Просто оборвалась, пока она лежала без сознания на полу среди стекла. От окна получилось отойти не сразу. Ступни будто приросли к полу. Потом взгляд зацепился за зеркало на шкафу, и внутри неприятно сжалось. Нужно было посмотреть на себя. После света. После падения. После того, как что-то прошло через кожу, кости и мысли.

Несколько секунд она стояла перед зеркалом, не решаясь поднять глаза. Потом всё-таки подняла. В отражении была она. Почти обычная: рост метр семьдесят, каштановые волосы, спутанные, с лёгким блонд-мелированием на прядях. Лицо бледное, губы сухие, под глазами тени. Старая домашняя футболка в пыли. На плече тонкая царапина, на щеке след от пола или пепла. Татуировки на руках выглядели как всегда: просто чернила под кожей. Никакого свечения. Никакого движения. Никакого белого огня, который перед отключкой будто пробежал по линиям рисунков. Цветы оставались цветами. Дракон -драконом. Мёртвым рисунком, а не живой тварью из света. Глаза тоже не изменились: обычные карие, чуть уходящие в зелёный, если смотреть при хорошем освещении. Никаких странных зрачков. Никакого сияния. Ничего такого, что могло бы объяснить жар внутри. Всё нормально. Почти.

Взгляд задержался на собственном лице. Слишком чётко. Каждая прядь у виска, каждая пылинка на ресницах, крошечный скол на раме зеркала, тонкая трещина на дверце шкафа -всё было видно без усилий, без привычного прищуря. Очки лежали на тумбочке: чёрная оправа, одно стекло в пыли, второе треснуло от края к центру. Сколько лет приходилось начинать утро с поисков очков? Сколько раз линзы раздражали глаза, сохли, терялись, рвались в самый неподходящий момент? Без них мир всегда был мягким и размытым. Лица превращались в пятна, надписи -в полосы, дальние предметы -в догадки. А сейчас всё было резким. Без очков и линз.

— Да ладно

Звучало не испуганно. Скорее устало. Как будто мир показал очередную невозможную вещь, а сил удивляться уже не осталось. Она взяла очки, машинально протёрла стекло краем футболки и надела. Мир тут же поплыл, исказился, стал слишком резким и неправильным. Голова отозвалась тупой болью. Она сняла их почти сразу и положила обратно аккуратнее, чем требовала ситуация. Глупый жест. Бытовой. Будто сломанные очки всё ещё имели значение. Пальцы коснулись нижних век, словно там можно было нащупать объяснение, но ничего не нашлось. Просто кожа. Просто лицо. Просто глаза, которые внезапно начали работать так, как никогда не работали. Травма? Последствия вспышки? Мозг ударился и временно решил, что зрение идеальное? Глупо. Но думать об этом сейчас было нельзя.

На ладони, которую она порезала об осколки, осталась тонкая красная линия. Крови почти не было. Она нахмурилась, поднесла руку ближе к лицу. Порез должен был саднить, но боль уже исчезала. Кожа по краям царапины стягивалась медленно, едва заметно, будто кто-то

невидимый проводил по ней тонкой иглой, сшивая повреждение изнутри. Она резко опустила руку.

— Нет, - сказала она пустой комнате. - Вот это мы сейчас обсуждать не будем.

Голос прозвучал твёрже, чем она чувствовала себя на самом деле. Странно, но это помогло. Она всегда лучше держалась, когда проговаривала задачи вслух. В университете так зубрила билеты. На работе - раскладывала чужие катастрофы по пунктам. «Сначала факты. Потом выводы. Потом действия». Этому её научила профессия, а может, просто жизнь: если внутри паника, снаружи должен быть список. Факты: город разрушен. Связи нет. Людей не видно. Со зрением что-то произошло. Тело ведёт себя неправильно. Ник и Тина неизвестно где. Вывод: сидеть дома нельзя. Действия: одеться, взять необходимое, выйти, проверить Ника, потом Тину. План был плохой, обрывочный, почти детский. Но это всё ещё был план.

Телефон нашёлся на полу возле кровати, экраном вниз. Корпус был тёплым, хотя электричества в квартире не было. Экран не загорался. Кнопка питания не помогала. Зарядка, подключённая по привычке, болталась мёртвым проводом. После нескольких попыток экран всё-таки мигнул слабым значком батареи и снова погас. Связи не было. Даже если бы телефон включился - что толку? Сети не ловило ещё вчера. А теперь, судя по виду из окна, ловить было нечему. Пальцы сжали телефон так сильно, что заболели костяшки. Услышать голос Ника. Тины. Любого знакомый голос. Сделать хоть что-то нормальное, привычное, человеческое. Невозможно. Сидеть дома тоже было невозможно. Здесь можно было только ждать и сходить с ума: смотреть на пустой экран, подходить к окну, убеждать себя, что сейчас в дверь постучат, зазвонит телефон, включится свет, кто-то объяснит происходящее словами вроде «авария», «эвакуация», «временные перебои». Нет. Нужно выйти.

Она открыла шкаф и несколько секунд смотрела на вещи так, будто выбирала не одежду, а личность, в которой придётся переживать конец света. Розовый костюм висел на спинке стула, испачканный пылью. Вчера в нём она была юристкой, человеком с расписанием, договором на утро и планом купить нормальный кофе. Сегодня этот костюм выглядел почти насмешкой. В шкафу нашлась плотная рубашка, старая куртка, джинсы, которые не жалко порвать, шарф и платок. Пришлось одеться слоями, будто предстояло выйти не во двор, а в чужую страну. В каком-то смысле так и было. Платок лёг на волосы, потом закрыл нижнюю часть лица. Открытыми остались только глаза.

Руки автоматически проверили карманы: ключи, телефон, зажигалка, пачка сигарет, хотя мысль о курении почему-то не вызвала привычного желания. Раньше в стрессовой ситуации пальцы сами тянулись к пачке. Сейчас тело молчало. Никакой тяги. Никакого «только одну, чтобы собраться». Просто сухой картон в кармане и равнодушие. Это тоже было ненормально. На кухне всё выглядело почти как обычно: кружка в раковине, пакет от вчерашней еды, открытая пачка чая. Только на столешнице лежал серый пепел, а на полу хрустело стекло из выбитого окна. Она достала из шкафа бутылку воды, сунула в рюкзак пачку печенья, обезболивающие, бинт, влажные салфетки, маленький фонарик с почти севшими батарейками, документы и наличные, которые раньше казались бесполезным пережитком. Теперь они казались символом цивилизации. Очень хрупким, но всё-таки символом.

У самой двери шаг замер. Кухня. Ножи. Мысль оказалась неприятной, но трезвой. Что ждёт на улице - неизвестно. Пустота не означает безопасность. В мире, где за одну ночь исчезли люди, выбило окна и рухнули дома, глупо выходить с пустыми руками. Из подставки был выбран самый большой нож. Рукоять оказалась холодной - настолько обычной, что от этого стало почти легче. Раньше никто не выходил из дома с кухонным ножом под курткой. Раньше мир и не выглядел так, будто этого требует. В прихожей взгляд скользнул по зеркалу ещё раз. Платок, куртка, рюкзак, нож, пыль на одежде, чужие слишком ясные глаза.

— Всё нормально, - тихо сказала она отражению. Потом добавила: - Я справлюсь.

Первая часть была третьей ложью. Вторая пока оставалась под вопросом.

Перед выходом она неожиданно вернулась к столу, нашла ручку и клочок бумаги. Несколько секунд стояла над ним, не зная, что написать. «Если кто-то придёт» звучало нелепо. «Я ушла к Нику» -слишком буднично. «Я жива» -слишком страшно. В итоге она написала: «Ушла проверить друзей. Вернусь, если смогу». Подумала, зачеркнула «если смогу», потому что от этого становилось хуже, и оставила: «Вернусь». Бумагу прикрепила к двери скотчем. Юридическая привычка оставлять следы. Документы, письма, отметки, доказательства. Если тебя нет на месте, должно быть понятно, куда ты делась. Даже если понимать уже некому.

Подъезд встретил темнотой и запахом бетона. Лифт не работал. Панель вызова не светила, двери стояли закрытые и глухие. На лестнице валялись куски штукатурки, где-то выше хлопала незакрытая дверь. Спускаться пришлось медленно. Не из-за слабости -из-за осколков и темноты. За одной дверью было тихо. Ещё одна стояла приоткрытой, изнутри тянуло пылью и чем-то кислым. На третьем этаже она остановилась. Это была квартира соседа, который вчера вытягивал телефон к окну и спрашивал про сеть. Дверь приоткрыта на ладонь. Изнутри виднелся коридор, на полу лежала домашняя тапочка. Одна. Вторая валялась дальше, возле перенутой табуретки.

— Эй? -позвала она.

Ответа не было. Она постояла ещё несколько секунд. Внутри всё требовало зайти, проверить, убедиться. Другая часть понимала: если она начнёт проверять каждую открытую дверь, то не дойдёт никуда. Сейчас у неё есть маршрут. Ник. Тина. Потом дальше. Но уйти сразу не получилось. Она толкнула дверь носком ботинка и заглянула внутрь. В квартире было пусто. На кухонном столе стояла чашка с чаем, на экране телевизора застыло чёрное стекло. На полу у окна лежал телефон. Рядом -серый пепел, больше похожий на рассыпанную муку. Никакого тела. Никаких следов борьбы. Ничего, кроме этой нелепой тапочки в коридоре. Она тихо закрыла дверь.

Во дворе пепел хрустел под подошвами. Не снег. Не обычная пыль. Что-то среднее -лёгкое, сухое, серое. Он лежал на лавочках, на детской горке, на листьях кустов, на капотах машин. При каждом шаге поднимался маленьким облачком и оседал обратно. Воздух был слишком ярким. Солнце било сверху, как в пустыне. Голубой смог делал дальние дома расплывчатыми, почти нереальными. Несколько раз в окнах соседних зданий мерещилось движение, но стоило посмотреть прямо -там не оказывалось никого. Она шла быстро, но осторожно. Улица, знакомая до последней трещины в асфальте, стала чужой. Магазин через дорогу стоял с распахнутыми автоматическими дверями, которые больше не двигались. Внутри темнели полки, у кассы валялась корзина с продуктами. Вчера здесь покупали вино. Вчера Тина доставала смятую купюру и называла это финансовой стратегией. Вчера Ник шутил про цивилизацию, которая закончилась из-за интернета. Смешно. Горло сжалось так резко, что пришлось остановиться. Нет. Потом.

Дом Ника стоял почти целым. Это стало первым хорошим знаком за всё утро -если это вообще было утро. На фасаде тянулась длинная трещина, почти все окна были выбиты, часть облицовки осыпалась у подъезда. Но здание не рухнуло. Не сложилось внутрь себя, не превратилось в груду бетона.

— Живой, -выдох сорвался сам.

Непонятно, про дом это было или про Ника. Кодовый замок на двери подъезда не работал. Сама дверь застряла, перекошенная в раме. Она дёрнула один раз, второй. Металл жалобно скрипнул. Она выругалась, упёрлась ногой в нижний край и потянула сильнее, уже не рассчитывая на успех. Дверь открылась. Не просто поддалась -рванулась на себя так резко, что она едва не упала назад. Изогнутая пластина у замка треснула, как тонкий пластик. Несколько секунд она смотрела на неё, не понимая, что именно видит. Потом медленно отпустила ручку.

— Адреналин, -сказала она.

Слово прозвучало полезно. Почти как объяснение. Внутри пахло пылью, гарью и металлом. Лифт, конечно, не работал. Двери были чуть приоткрыты, внутри темнела пустая шахта. Семнадцатый этаж. Лестница уходила вверх бесконечными серыми пролётами, и в голове тут же всплыли все десять лет курения. Утренние сигареты. Вечерние. «Только одну, день тяжёлый». «Брошу с понедельника». «Брошу после отпуска». «Брошу, когда жизнь станет спокойнее». Дыхание было частым, но ровным. Ноги двигались легко. Сердце билось быстро, однако без привычного тяжёлого стука в висках. Ладони не вспотели. Перед глазами не темнело. На двенадцатом этаже она остановилась не потому, что устала, а потому что увидела след.

На пыльной ступени отпечаталась босая ступня. Одна. Потом ещё одна -выше. Следы поднимались по лестнице, но на площадке между двенадцатым и тринадцатым этажом обрывались. Просто исчезали посреди серого бетона. Рядом на стене осталась размазанная полоса пепла, будто кто-то провёл ладонью, пытаясь удержаться. Она стояла и смотрела на эту пустую площадку слишком долго. Потом заставила себя идти дальше. Семнадцатый этаж встретил тишиной. И только там пришло осознание: усталости почти нет. Совсем не так, как должно быть. Она поднялась пешком на семнадцатый этаж после катастрофы, с рюкзаком и ножом под курткой, и могла бы идти дальше.

— Потом, -сказала она себе. -Всё потом.

Запасной ключ от квартиры Ника лежал во внутреннем кармане куртки. Они обменялись ключами давно -сначала в шутку, потом оказалось удобно: забрать документы, полить цветы, если кто-то уезжал, оставить забытые вещи. Маленькая бытовая деталь дружбы. Теперь металлический ключ в руке казался последней нормальной вещью в мире. Дверь открылась не сразу. Замок заедал. После второго поворота щёлкнул.

— Ник?

Голос ушёл в квартиру и растворился. Ответа не было. В прихожей стояли его кроссовки. На крючке висела куртка. У стены лежал дурацкий коврик с надписью «Добро пожаловать, если вы с едой», который Тина когда-то подарила ему на день рождения. Всё почти как всегда. Почти. Окна выбило. И везде был пепел. Крупный, серый, хлопьями. На полу, на подоконнике, на диване, на столе. На кружке возле ноутбука. На клавиатуре. На спинке кресла. Будто кто-то открыл все окна во время пожара, но запаха обычной гари не было. Запах был сухой, горький, металлический.

— Ник?

Она прошла в комнату. На столе лежал телефон Ника. Экран треснул паутиной. Рядом стоял стакан с засохшими следами вина на дне. На ноутбуке всё ещё был наклеен стикер: «Не трогать, оно работает на честном слове». На полу у кресла валялась его худи. Та самая чёрная, в которой он вчера стоял у магазина. Значит, он вернулся домой после прогулки. Был здесь. Или почти был. Мысль оборвалась сама. Додумывать было опасно. Рациональность уже тянула свои холодные пальцы к выводам, но принимать их не хотелось.

На столе рядом с клавиатурой лежала раскрытая записная книжка. Ник редко писал от руки, только когда думал быстрее, чем печатал. На странице было несколько строк, кривых, торпливых:

«Свет снова усилился. Связи нет. Если это из кластера, волна должна была»

Дальше шла рваная линия, будто ручка сорвалась с бумаги. На краю страницы остался тёмный отпечаток пальца. Не кровь. Пепел. Она медленно опустила на корточки. Пальцы коснулись серых хлопьев на полу. Они рассыпались от лёгкого движения. На коже остался след, похожий на грязь после старой печки. В памяти вспыхнул жар перед отключкой. Свет, проходящий сквозь руки. Линии татуировок, налитые белым огнём. Пепел. Жар. Пустая квартира. Нет. Не время. Это не могло быть связано. Очень хотелось, чтобы не было. Она забрала записную книжку. Не всю -только вырвала страницу и сложила в карман. Потом взяла телефон Ника,

хотя понимала, что он бесполезен. Оставить его здесь казалось невозможным. Вещи иногда были последним доказательством того, что человек существовал не только в памяти.

Из квартиры Ника пришлось уйти почти бегом. Не потому что там что-то угрожало. Наоборот -там было слишком тихо. Слишком похоже на место, где всё уже случилось и больше ничего не изменить. На улице свет стал ещё ярче. Или ей так показалось после тёмного подъезда. Голубоватый смог висел ниже, цеплялся за вывески и балконы. В одном месте воздух над асфальтом дрожал, как от жары, хотя тепла не чувствовалось. Она обошла это место по широкой дуге. Ей не хотелось проверять, что будет, если пройти сквозь дрожащий воздух.

До дома Тины раньше идти минут двадцать. Сейчас дорога заняла больше -или меньше, время всё равно перестало ощущаться нормально. Улицы были завалены стеклом, кусками вывесок, ветками, обломками балконов. В одном месте пришлось обходить автобус, врезавшийся в остановку. Передняя часть смялась, двери раскрылись, внутри никого не было. На поручне висела чья-то красная перчатка. Нигде никого не было, и это начинало сводить с ума. Разрушения хотя бы можно было увидеть, потрогать, обойти. Пустота не объясняла ничего. Она была хуже обломков, хуже пепла, хуже выбитых окон, потому что в ней не было причины. Люди не могли просто исчезнуть из машин, квартир, магазинов, автобусов. Не могли оставить телефоны, чашки, тапочки, недопитое вино и раствориться в сером налёте. Пару раз она останавливалась и прислушивалась. Казалось, где-то далеко должен быть звук: крик, мотор, сирена, шаги, плач, приказ из громкоговорителя. Хоть что-нибудь. Только тишина. И лёгкий шорох пепла под ногами.

Возле разбитой аптеки она остановилась. Вывеска держалась на одном проводе, стеклянная дверь разлетелась внутрь. Полки внутри были перекошены, часть упаковок рассыпалась по полу. Несколько секунд она стояла на пороге, борясь с идиотским чувством, что входить нельзя. Что это кража. Что камеры, если работают, всё запишут. Что потом придётся объяснять. Потом почти рассмеялась.

— Конечно, -сказала она в пустоту. -Сейчас главное -соблюсти правила торговли.

В аптеке пахло спиртом, пылью и лекарствами. Она взяла антисептик, бинты, обезболивающее, несколько упаковок пластырей и маленькие ножницы. Всё сложила в рюкзак аккуратно, почти с деловой злостью. Если мир решил превратиться в руины, это ещё не означало, что нужно вести себя как идиотка. У выхода что-то скрипнуло. Она замерла. Рука сама скользнула к ножу. Звук повторился -слабый, короткий, металлический. Не шаг. Не голос. Она обошла стойку и увидела, как над ней раскачивается сорванная табличка с рекламой витаминов. Один край цеплялся за перекошенную полку, второй тихо бился о металлический держатель. Просто табличка. Она выдохнула и только тогда поняла, что успела задержать дыхание.

— Отлично, -пробормотала она. -Уже пугаюсь вывесок.

Глупая фраза помогла лучше, чем должна была. Она проверила молнию на рюкзаке, ещё раз оглядела аптеку и вышла обратно на улицу. Пепел тут же осел на плечи, на платок, на ресницы. Мир оставался пустым. Когда улица Тины показалась впереди, первой мыслью стало: не туда свернула. Потому что дом должен был стоять справа. Девятиэтажка с зелёными балконами, аптекой на первом этаже и вечной рекламой доставки, которую никто не снимал уже третий год. У Тины окна выходили во двор. На пятом этаже. Она всегда жаловалась, что сосед сверху двигает мебель по ночам, будто строит лабиринт. Аптека была. Вернее, половина аптеки. Рекламный щит валялся на дороге. А дома не было. На его месте лежала огромная груда бетона, кирпича, арматуры и серого пепла.

Мир сузился до этой точки. Ноги остановились посреди дороги. Нож чуть не выскользнул из руки, но пальцы сжались сильнее.

— Нет.

Слово получилось тихим. Слишком маленьким для такой развалины.

— Нет, -повторила она громче.

Ничего не изменилось. Дом не появился обратно. Балконы не вернулись на место. Окно Тины не открылось. Её голос не раздался сверху с привычным раздражением: «Вы серьёзно? Конец света без предупреждения?» Только пепел медленно перекатывался по обломкам, хотя ветра почти не было. Рациональная часть сознания уже всё поняла. Дом разрушен. Тина жила здесь. Связи нет. Людей нет. Шансов мало. Очень мало. Но другая часть -живая, упрямая, человеческая -отказалась принимать это. Может, Тина вышла до взрыва. Может, ушла к Нику. Может, была в магазине. Может, её кто-то вытащил. Может, она сейчас где-то рядом и тоже ищет их. Может. Может. Может.

Внутри снова шевельнулся тот горячий камень. Сильнее. Боль поднялась от груди к горлу, потом к плечам, к рукам. Пальцы на рукояти ножа стали горячими. Металл будто нагрелся за одно мгновение. На секунду показалось, что между ладонью и ножом мелькнула синяя искра. Рука резко разжалась. Нож упал на асфальт с сухим звоном. Сердце ударило в рёбра. Искры не было. Конечно, не было. Просто показалось. После взрыва, падения, пустого города, пустой квартиры Ника и развалин дома Тины могло показаться что угодно. Она наклонилась, подняла нож. Рукоять снова была холодной. Нормальной. Почти нормальной.

Смотреть на руины больше не получалось. В глазах щипало от пепла или от слёз -разницы уже не было. Платок на лице стал влажным в районе щёк. Она сделала несколько шагов к завалу, потом остановилась. Что она собиралась делать? Разбирать бетон руками? Кричать имя Тины в пустой город? Ждать ответа из-под девяти этажей?

— Тина! -всё-таки крикнула она.

Голос ударился о руины и исчез. Она крикнула ещё раз. Потом третий. Ответа не было. Зато на краю завала что-то блеснуло. Она поднялась по куску плиты, поскользнулась, едва удержалась и вытащила из пепла маленькое металлическое кольцо. Серьга. Не Тинина. Или Тинина? У Тины были десятки таких, большие, маленькие, золотистые, серебристые, дешёвые, потерянные, найденные, купленные «потому что настроение». Эта была обычная, круглая, погнутая. Она сжала серьгу в кулаке так сильно, что металл впился в кожу. Это ничего не доказывало. И доказывало всё.

Страх стоял рядом. Огромный, тёмный, терпеливый. Он ждал, когда ему позволят подойти ближе. Ждал, когда можно будет опустить её на асфальт, заставить сжаться, закрыть голову руками и наконец-то признать очевидное: всё кончено. Нельзя. Не сейчас. Если сестра -подняться уже не получится. А нужно идти. Ник мог быть жив. Тина могла быть жива. Кто-то мог быть жив. Нужно проверить. Двигаться. Делать хоть что-то. Потому что без действия мир окончательно превращался в конец света.

Она спустилась с завала, вытерла ладонь о джинсы и снова посмотрела на город. Северная сторона была хуже. Там, за домами, над которыми вчера висело молочное свечение, теперь стоял плотный голубой столб тумана. Он не двигался, но от него хотелось отвернуться. Как от человека, который смотрит слишком долго. В соседнем районе жила тётя с мужем. Их дом был дальше от северной стороны: старый кирпичный, крепкий, надёжный. Не новая стеклянная коробка, не высотка с тонкими стенами. Район там ниже, плотнее, дома стоят почти вплотную. Может, волна прошла слабее. Может, смог не дошёл. Может, они успели спрятаться. Нужно идти туда. Проверить их. Найти хоть кого-то, кто сможет объяснить, что происходит. А потом -понять, как добраться до мамы. Эта мысль оказалась последней ниткой, за которую можно было держаться, не разваливаясь прямо здесь, посреди дороги, рядом с руинами дома Тины.

Пальцы поправили платок. Нож снова лёг под куртку. Рюкзак потянул плечи, но вес был даже приятен: вода, бинты, лекарства, чужой телефон, страница из записной книжки Ника, погнутая серьга в кармане. Доказательства. Обломки прежней жизни. То, что ещё можно было нести. Ноги сделали первый шаг, потом второй. За спиной остались руины дома Тины. Впереди -улица, голубой смог, пепел и слишком яркое солнце.

С ними точно всё в порядке.

Это была четвёртая ложь.

Глава 4

До района Натт было близко.

Раньше это значило бы -несколько остановок. Дорога, которую можно не запоминать: автобус сам довезёт, навигатор подскажет, город привычно сложится из улиц, светофоров и людей. Теперь «близко» стало другим словом. Пешком туда можно было добраться. Наверное. Если идти без остановок, если не придётся обходить завалы, если не встретится что-то хуже пустоты. Но даже тогда путь занял бы часы. Много часов под жарким небом, по треснувшему асфальту, между домами, из которых будто вытащили жизнь вместе со звуком.

Нужен был транспорт. Мысль пришла спокойно, почти сразу. И тут же за ней -другая, куда менее приятная: водить толком не получалось. Когда-то были занятия. Инструктор с вечным усталым лицом. Руль, который казался слишком большим. Сцепление, которое нужно было чувствовать ногой, хотя нога ничего чувствовать не хотела. Замечания про зеркала, поворотники, дистанцию, парковку. Потом -неудачный экзамен, обещание попробовать ещё раз и обычная жизнь, в которой это «ещё раз» так и не наступило. Прав не было. Но руки помнили. Хотя бы немного. Оставалось надеяться, что этого хватит.

Машин вокруг было много. Город стоял ими забитый, как всегда, только теперь каждая выглядела не средством передвижения, а частью катастрофы. Одна врезалась в фонарь и смяла капот гармошкой. Другая лежала на боку у остановки. Третья выгорела изнутри, оставив вместо салона чёрную пустую коробку. Ещё одна перегородила двор, упершись передними колёсами в бордюр, будто пыталась заехать на тротуар и умерла на половине движения.

Ключей, конечно, нигде не было. Она проверяла бардачки, козырьки, карманы дверей, пространство под сиденьями. В фильмах люди всегда оставляли ключи где-нибудь глупо близко: под ковриком, в пепельнице, на солнцезащитном козырьке. В реальности попадались только чеки, пустые пачки, мелочь, треснувшие очки, детская игрушка с оторванной лапой и чужая расчёска с запутавшимися волосами. Каждая находка казалась оскорблением. Нужен был один маленький металлический предмет. Город предлагал мусор.

Двор за двором. Улица за улицей. Дверца открывается -пусто. Следующая заперта. Третья не поддаётся, потому что её перекосило ударом. Четвёртая распаивается слишком легко, но внутри всё залито чем-то тёмным, и заглядывать глубже не хочется. Солнца почти не было видно, однако жара всё равно давила -странная, плотная, безветренная. Воздух лип к коже, голубоватый туман держался низко между машинами, и от него асфальт казался мокрым, хотя под подошвами скрипела сухая пыль.

По идее, уже давно должны были появиться жажда и голод. Хотя бы слабость. Но тело молчало. Ни сухости во рту, ни пустоты в животе, ни дрожи в коленях. Только напряжение под кожей, будто внутри натянули слишком тонкую струну. Даже усталость приходила как-то неправильно: не из мышц, а из головы. Наверное, стресс. Так проще было думать. Организм испугался, не понял, что ещё жив, и решил отложить обычные потребности на потом. В прежнем мире такое объяснение показалось бы смешным. В новом -почти разумным.

Через какое-то время захотелось бросить поиски. Просто идти. Пусть долго. Пусть ноги сотрутся в кровь. Пусть придётся ночевать где-нибудь в подъезде или в разбитой аптеке. Всё лучше, чем снова тянуть ручку очередной мёртвой машины и находить внутри только чужой мусор. И тогда, уже почти на выходе из очередного двора, взгляд зацепился за старую тёмную машину.

С первого взгляда -ничего особенного. Даже наоборот: вид у неё был жалкий. Задняя дверь справа держалась криво, будто её когда-то почти вырвали. Бампер висел низко. На лобовом стекле расплзлась длинная трещина. Одного зеркала не было. Но колёса стояли ровно.

Салон не выгорел. Машина была развёрнута носом к выезду. Самое главное -водительская дверь открылась.

Внутри пахло пылью, нагретым пластиком и старой тканью. На пассажирском сиденье валялась куртка, под ногами перекачивалась пустая бутылка. Замок зажигания зиял пустотой. Никакого ключа. Конечно. Несколько секунд она просто сидела за рулём, положив ладони сверху. Руль оказался горячим и шершавым. Чужое сиденье неприятно пружинило под спиной. Перед глазами -приборная панель, серый двор и выезд между двумя бетонными клумбами. Теперь оставалось понять, как заставить всё это ехать.

В голове всплыли фильмы. Там люди срывали крышку под рулём, соединяли какие-то провода, проскакивала искра, двигатель оживал. Всё занимало меньше минуты и выглядело так, будто паника автоматически делает человека специалистом по угону. В жизни пластиковая крышка не хотела поддаваться. Большой кухонный нож, завернутый в полотенце и взятый из дома почти машинально, пришлось достать из сумки. В руке он выглядел нелепо. Слишком большой. Слишком домашний. Вещь для хлеба, овощей и обычных ужинов, которую страх назначил оружием. Теперь этим ножом она ковыряла пластик под рулём.

Крышка треснула только с третьей попытки. Один край отломился, второй повис, открывая спутанный пучок проводов. Их оказалось слишком много. Гораздо больше, чем положено в кино: цветные, грязные, местами стянутые изолентой, совершенно непонятные. Пальцы дрожали. Лезвие соскальзывало. Пластик крошился. Где-то щёлкнуло, но машина не ожила. Потом мигнул один значок на панели и тут же погас. Следом появился неприятный запах нагретой изоляции. От страха стало жарче, хотя пота почти не было. Ничего не получалось. Машина молчала так упрямо, будто тоже решила остаться частью мёртвого города.

— Да что ты не заводишься?!

Крик сорвался сам. Он ударился о стены двора и вернулся коротким, злым эхом. Ладонь с силой хлопнула по рулю. Потом ещё раз. Бессмысленно, глупо, но остановиться сразу не вышло. Злость оказалась проще страха.

Случайное движение. Рука задела один из оголённых концов. Что-то коротко щёлкнуло, вспыхнула маленькая искра, и двигатель под капотом вдруг кашлянул. Она застыла. Машина дёрнулась всем корпусом, будто проснулась от удара. Мотор захлебнулся, почти заглох, потом снова закашлялся и неожиданно загудел -неровно, хрипло, но живо. Приборная панель засветилась.

— Что?..

Слово вышло почти беззвучным. Получилось не тогда, когда она пыталась вспомнить хоть что-то полезное. Не когда аккуратно перебирала провода. Не когда в голове судорожно прокручивались чужие сцены из фильмов. Получилось после крика. После злости. После случайности. Можно было назвать это удачей. Старой машиной, которая просто оказалась достаточно простой и достаточно живой. Но мысль уже пошла дальше. Зрение. Лестница. Слишком лёгкий подъём. Отсутствие жажды. Отсутствие голода. Теперь -машина, ожившая после вспышки ярости. Слишком много мелочей. Слишком много совпадений. Если начать думать об этом прямо здесь, можно так и остаться во дворе, слушая хрип мотора и собственное дыхание. Сейчас был транспорт. Была цель. Нужно было ехать.

Первые метры вышли ужасными. Машина рванула вперёд, едва не ткнулась в бордюр. Нога слишком резко нажала на тормоз, корпус бросило к рулю. Сзади что-то лязгнуло -та самая перекошенная дверь или бампер. Пришлось вдохнуть, выдохнуть, вспомнить, как держать руль, как не давить на педали всем весом, как смотреть не под колёса, а чуть дальше. Потом получилось выехать со двора. На большой улице она остановилась. Не из-за препятствия. Просто город впереди заставил замереть.

Вот он -настоящий конец мира.

Раньше эти слова казались бы слишком громкими. Сейчас в них не было ничего лишнего. Асфальт треснул длинными рваными линиями, местами вспучился, будто под ним что-то росло и ломало дорогу изнутри. Светофор висел на одном проводе, покачиваясь без ветра. Витрины магазинов были выбиты. Вдалеке часть фасада лежала поперёк проезжей части, закрывая половину улицы. Между домами тянулся всё тот же голубой туман -не дым, не пар, не пыль. Что-то чужое.

Может, это только здесь. Мысль появилась упрямо, почти детски. Может, один район. Один город. Одна область. Может, где-то уже работают службы, собирают людей, поднимают вертолёты, передают новости. Может, другие страны не пострадали. Может, помощь уже едет. Но если бы помощь была, за это время появился бы хоть какой-то знак: сирены, самолёты, радио, хоть что-нибудь. А вокруг -только хрип двигателя и дорога, которая больше не обещала привести туда, куда надо.

Ехать оказалось тяжело. Навыки действительно остались, но уверенности в них было слишком мало. Приходилось объезжать провалы, тормозить перед завалами, лавировать между брошенными машинами. Иногда голубой туман становился таким плотным, что дорога исчезала уже в нескольких метрах впереди. Тогда скорость падала почти до шага, пальцы сжимали руль до боли, а каждый звук под колёсами казался предупреждением. Один раз машина заглохла. Сердце провалилось вниз. Несколько попыток -и двигатель снова ожил. Уже не чудом, а капризно, с хрипом, будто согласился дать ещё немного времени.

Район Натт встретил неожиданной целостью. Здесь тоже было пусто. Слишком пусто. Но дома стояли ровнее, окна у многих квартир оставались целыми, деревья во дворах не были вывернуты с корнем. Детская площадка выглядела почти обычной. Квартира Натт находилась на первом этаже. Раньше это казалось удобным. Теперь -подозрительно простым. Ключей не было, но первый этаж давал шанс: заглянуть в окна, проверить, есть ли движение. Если придётся -разбить стекло. Хуже уже не станет. Наверное.

Машина осталась у подъезда. Сумка легла на плечо. Кухонный нож снова был внутри, завернутый в полотенце, но ближе к руке. Доставать его не хотелось. С ножом в ладони стало бы слишком очевидно, что прежняя жизнь закончилась окончательно. Первое окно -кухня. Стол. Занавеска. Угол холодильника. Чашка у раковины. Ни движения. Второе -гостиная. Диван. Полка. Тёмный экран телевизора. Пусто. Третье -спальня. Край кровати. Шкаф. Неподвижная штора. Никого. Четвёртое -маленькая комната Дэна, которую Натт называла кабинетом, хотя чаще всего там стояли коробки, документы и вещи, которым не нашлось другого места. Стол. Стул. Стопка бумаг. Тишина.

Ком в горле поднялся снова, но теперь в нём было меньше страха. Больше злости. На пустые окна. На закрытую дверь. На необходимость стоять под квартирой родных людей и заглядывать внутрь, как вор. На то, что любимые лица превратились в варианты: живы, ушли, исчезли, умерли. Каждый вариант был болью. Под ногами нашёлся камень. Первый удар по кухонному окну оставил только паутину трещин. Второй разбил стекло с резким, почти неприличным звоном. Двор будто вздрогнул от этого звука, хотя вокруг по-прежнему ничего не двигалось. Осколки пришлось выбивать рукавом. Сначала внутрь полетела сумка. Потом получилось забраться самой -неловко, цепляясь коленом за подоконник, стараясь не порезать руки, чувствуя под подошвами мелкий хруст стекла.

Квартира встретила чистотой. И это было неправильно. Идеальная квартира идеальной Натт. На кухне всё стояло на своих местах. Полотенце ровно висело на ручке духовки. Баночки со специями были расставлены по размеру. На столе лежала салфетка с аккуратно подогнутым краем. Даже в конце света здесь сохранялся порядок, от которого раньше становилось тепло, а теперь хотелось кричать.

— Натт? Ты тут?

Голос прозвучал слишком живым.

Ответом стала тишина.

— Дэн?

Имя её мужа повисло в воздухе и растворилось.

Никто не ответил.

Конечно.

Комнаты проверялись медленно, хотя уже было понятно. Коридор. Гостиная. Спальня. Кабинет. Ванная. Даже шкафы. Даже пространство под кроватью, хотя там мог прятаться только страх. Пусто. Может, хотя бы коты. У Натт и Дэна было два кота. Один всегда спал на подоконнике с видом хозяина квартиры. Второй прятался под креслом и появлялся только на звук холодильника. Вечно недовольные, пушистые, наглые, живые. Теперь не было и их. Миски стояли у стены. Сухой корм рассыпался рядом маленькими коричневыми шариками. Вода почти испарилась, оставив мутный след по краю. Шерсть на диване осталась, но самих котов -нет.

И только тут пришло настоящее понимание. Птиц ведь тоже не было. С самого пробуждения -ни одной вороны на проводах, ни голубей у мусорных баков, ни воробьёв в пыли. Ни собак во дворах. Ни кошек под машинами. Ни насекомых у разбитых витрин. Никого. Город опустел не только от людей. Живое исчезло глубже. От этой мысли в чистой кухне стало холодно, хотя жара никуда не делась.

Но была ещё одна странность. Пепла в квартире не оказалось. На улицах серый налёт лежал почти везде: в подъездах, на машинах, на подоконниках, в трещинах асфальта. В других местах он казался частью воздуха, чем-то мерзким и неизбежным. Здесь -обычная пыль. Домашняя. Без ощущения, будто она когда-то была чем-то живым. Может, это хороший знак. Может, Натт и Дэн ушли раньше. Может, успели выбраться. Может, забрали котов. Может, поэтому нет пепла, нет крови, нет перевернутой мебели, нет следов борьбы. За эту мысль хотелось схватиться, но надежда сейчас была плохим спутником. Слишком легко врала.

В гостиной на полке стояла фотография в рамке. Натт, Дэн и она между ними. Все трое улыбались, будто в мире не существовало ничего страшнее неудачных семейных снимков. Натт держала руку у неё на плече. Дэн щурился от солнца и выглядел так, словно вот-вот скажет какую-то глупость, чтобы рассмешить обеих. Пальцы провели по стеклу. Лицо Натт осталось под тонким слоем пыли, но всё равно было живым. Родным. Почти невозможным. Рамка отправилась в сумку. Не как доказательство. Не как вещь, которую нужно сохранить для порядка. Просто если больше не получится встретиться, пусть хотя бы это лицо останется рядом. Пусть не исчезнет вместе с пустыми комнатами, запахом чистого белья и аккуратно сложенными полотенцами.

Некоторое время получилось просто сидеть на диване. Слез не было. Это тоже казалось неправильным. Боль должна была разорвать, согнуть, заставить задыхаться. Но внутри будто перегорел провод, отвечающий за нормальные реакции. Осталась только усталость без сонливости и один вопрос, который не хотел уходить.

Что дальше?

Куда теперь?

Жить?

Последнее звучало не как желание. Скорее как обязанность. Раз уж сердце бьётся, нужно двигаться. Раз уж ноги слушаются, нужно идти. Раз уж весь город молчит, нужно искать место, где молчание началось.

Станция.

Очаг.

Если где-то и могли остаться ответы, то там. Записи, техника, следы, люди. Хоть что-то, что объяснит, почему город умер, почему нет животных, почему в квартире Натт нет пепла и

почему тело продолжает вести себя так, будто ему больше не нужны обычные человеческие вещи.

Бензина в машине было достаточно. Стрелка показывала почти полный бак. Доехать должно хватить. Перед уходом взгляд ещё раз прошёлся по квартире. Кухня. Полка с фотографиями. Диван. Миски котов. Закрытая дверь спальни. Всё знакомое и уже чужое. Выбираться пришлось через разбитое окно. Осколки хрустели под подошвами. Во дворе ничего не изменилось. Машина ждала у подъезда -кривая, грязная, с перекошенной дверью и провисшим бампером, но почти живая. Двигатель завёлся не сразу. Потом всё-таки загудел.

Дорога к станции стала дорогой в новое. Спать не хотелось. Есть не хотелось. Пить тоже. Ничего уже не хотелось по-настоящему. Как будто вместе с городом остановилась не жизнь, а способность хотеть. Оставалось только ехать. Несколько часов тянулись странно спокойно. Машина ползла по разбитым улицам, объезжала провалы, разворачивалась перед завалами, снова искала путь. Иногда приходилось ехать по встречной полосе, иногда -по тротуару, иногда -между двумя брошенными автобусами так близко, что металл скрежетал по боку.

Голубой туман становился гуще ближе к станции. Он не клубился, как дым. Не рассеивался, как обычный пар. Просто висел в воздухе рваными слоями: то открывал дорогу, то закрывал её почти полностью. Из-за него всё вокруг казалось подводным -дома, столбы, рельсы, остатки рекламных щитов. Мысли постепенно выстраивались в планы. Найти вход. Проверить, есть ли связь. Искать документы, записи, работающую технику. Понять, откуда пошёл пепел. Найти людей. Кто-то ещё должен быть. Не могло так случиться, что из целого города осталась только она. Не могло. В домах, подвалах, больницах, машинах, торговых центрах, на окраинах -где-то обязательно должен был быть кто-то живой. Эта мысль повторялась много раз. Слишком много.

Станция появилась ближе к вечеру, хотя нормального вечера больше не существовало. Свет почти не менялся. Небо стало серым, только у горизонта проступал холодный голубой оттенок, будто там горел огонь без тепла. Сначала из тумана вынырнули рельсы -чёрные, искривлённые, местами будто оплавленные. Потом ограда. Бетонные конструкции. Провал входа. Остатки навеса. Здесь разрушений было больше. Асфальт вспучился, как после взрыва изнутри. Металл на перилах посинел. Воздух казался плотнее, тяжелее, и каждый вдох проходил через горло с неприятной прохладой.

Машина остановилась за остатками автобусного павильона. Двигатель лучше было заглушить. Его хрип звучал слишком громко рядом с этим местом. После тишины в ушах ещё несколько секунд жил мотор. Потом исчез и он. Пальцы коснулись края полотенца, под которым лежал кухонный нож. Большой, тяжёлый, нелепый. Не оружие даже -напоминание о кухне, о доме, о прежней жизни, где ножи нужны были для еды, а не для того, чтобы подходить к мёртвой станции.

Шаги по асфальту звучали глухо. У входа что-то было. Сначала это показалось обломком. Тёмное пятно в голубом тумане. Кусок арматуры. Сломанная стойка. Что угодно, только не человек. Потом пятно подняло голову. Она остановилась. Мир на секунду потерял форму. Человек. Живой человек.

Первый порыв оказался почти болезненным: броситься вперёд, закричать, спросить всё сразу. Что произошло? Где остальные? Почему нет связи? Почему нет птиц? Почему в квартире Натт чисто? Почему не хочется пить? Почему тело не устаёт так, как должно? Но радость оборвалась, не успев стать радостью. Живой человек в мёртвом городе не обязательно означал спасение. Иногда он мог означать опасность.

Фигура заметила движение и повернулась полностью. Несколько секунд они просто смотрели друг на друга через туман. Потом незнакомец сделал шаг вперёд. Медленно. Без резких жестов. Будто тоже не был уверен, что видит перед собой настоящего человека. Расстояние сокращалось. Рука сама ушла в сумку. Пальцы нашли рукоять ножа и сжали так крепко, что

заболели суставы. Доставать нельзя. Пока нельзя. Пусть не видит. Пусть думает, что перед ним просто испуганная девушка, а не испуганная девушка с большим кухонным ножом, который всё равно мог не помочь.

Он подходил ближе. Уже можно было различить грязную куртку, сбитое дыхание, лицо -слишком обычное для конца света. Руки держались чуть в стороне: не совсем мирно, но и не угрожающе. Взгляд метнулся к машине, потом к сумке, потом снова к её лицу. Молчание между ними стало плотнее тумана.

Страх говорил: назад. Одиночество говорило: стой. И где-то глубже, совсем тихо, поднялась мысль, от которой стало почти тепло: может, теперь не придётся быть одной. Может, он знает больше. Может, станет спутником. Мысль прожила меньше секунды. Этого хватило. Это была пятая ложь.

Глава 5

Мужчина подходил ближе, и с каждым его шагом туман неохотно отдавал детали. Первое впечатление оказалось ошибочным: издалека фигура казалась просто тенью у станции, случайным выжившим, таким же растерянным, каким в этом разрушенном мире должен был быть любой человек. Но вблизи стало ясно: катастрофа не сломала его. По крайней мере, внешне. Высокий, статный, старше тридцати, но вряд ли старше сорока. На его фоне девушка внезапно почувствовала себя почти ребёнком, хотя двадцать пять лет ещё вчера казались вполне взрослым возрастом. Только вчера осталось в другой жизни. В нынешней реальности цифры потеряли значение: важнее были не годы, а способность стоять на ногах, когда мир исчезает из-под них; умение смотреть в пустоту и не требовать от неё ответа; воля, которая не позволяет страху сесть за руль.

У незнакомца было вытянутое лицо с выраженными скулами, высокий лоб, светлая борода и усы. За внешностью явно когда-то следили тщательно, но последние часы сделали такие вещи лишними: аккуратность ещё держалась, а поверх неё уже проступала усталость, пыль, трещина на нижней губе и мелкие морщины у глаз. Взгляд оказался спокойным, серьёзным, внимательным. Не тёплым. Не враждебным. Скорее таким, каким смотрит человек, который сначала считает варианты, а уже потом решает, стоит ли говорить. Чем меньше между ними оставалось расстояние, тем слабее становился привычный страх, и это должно было успокоить, но вместо облегчения появилось другое чувство - давящее, густое, почти физическое, будто воздух между ними наливался тяжестью. Вместе с этим человеком приближался не шанс на спасение, а приказ, ещё не произнесённый вслух, но уже пытающийся лечь ей на плечи.

Внутри всё резко сопротивлялось. Пальцы сжали рукоять кухонного ножа, спрятанного в сумке; суставы заныло, кожа на ладони натянулась, но отпускать оружие было нельзя. Новое тело, странное и слишком спокойное последние часы, теперь било тревогу не паникой, а яростью. Где-то под рёбрами вспыхнул жар, резкий и почти болезненный, словно организм пытался выжечь чужое влияние изнутри. Это было не притяжение, не человеческое тепло и не внезапное доверие. Это было давление. Почти подчинение. Мужчина остановился в нескольких шагах - достаточно близко, чтобы различить светлые волоски в бороде, и достаточно далеко, чтобы между ними оставалось место для броска, бегства или ошибки.

-Почему из всех мест ты пришла сюда? -спросил незнакомец.

Голос оказался низким и ровным. Без угрозы, без попытки казаться дружелюбным, но в этой ровности было что-то раздражающее: так говорят люди, которые уже привыкли, что им отвечают. Девушка не торопилась. Взгляд скользнул к провалу станции, ржавым перилам и ступеням, уходящим вниз в густой голубоватый туман. Воздух здесь казался плотнее, чем в городе, а тишина не просто стояла вокруг -она будто держала станцию закрытой ладонью.

-Потому что здесь что-то произошло, -ответила она. -И вы, похоже, это знаете.

Мужчина не улыбнулся. Только чуть прищурился.

-Знаю достаточно, чтобы не заходить внутрь второй раз.

-Второй?

-Первый был ошибкой.

Такой ответ доверия не добавлял. Наоборот, заставлял крепче держаться за нож.

-Что там?

-Пусто.

-Тогда почему нельзя зайти?

-Потому что пустота бывает разной.

Слова прозвучали слишком красиво, почти театрально, и девушка скривилась.

-Можно без загадок?

Незнакомец выдержал паузу. Кажется, оценил тон, потом коротко кивнул, будто решил говорить проще.

-Вниз ушли шестеро. Вышли двое. Один умер через десять минут. Второй пропал у меня на глазах.

-Пропал?

-Стоял у стены. Моргнул. Его не стало.

-Это невозможно.

-Согласен.

Ответ прозвучал настолько сухо, что спорить стало труднее. Не потому, что девушка поверила, а потому что в новом мире невозможное уже слишком часто оказывалось фактом. Где-то внутри станции скрипнул металл. Звук медленно прокатился по бетону и исчез внизу, будто его проглотили. Нож в сумке оставался единственной понятной вещью в радиусе нескольких метров.

-Вы хотите, чтобы я поверила вам на слово?

-Нет.

Мужчина достал из внутреннего кармана растрёпанный блокнот и сложенный лист. На бумаге была грубая карта города: отмеченные дороги, зачёркнутые кварталы, стрелки, кресты, несколько кругов. Один стоял вокруг станции. Второй -далеко на севере, у старой промышленной зоны.

-Это что?

-Места, где ловил сигнал.

-Какой сигнал?

-Повтор. Короткий. На аварийной частоте.

-Голос?

-Нет. Код. Но код человеческий. Его кто-то поставил. Или оставил.

Он достал маленький приёмник с треснувшим корпусом и включил. Сначала раздалось шипение, потом тонкий треск, затем едва различимый повторяющийся писк: три коротких сигнала, пауза, два длинных, снова пауза. Девушка слушала, не отпуская ножа. Сигнал не был спасением и ничего не доказывал, но в мёртвой тишине любой повтор, созданный разумом, звучал почти неприлично живым.

-Где это?

-Старый водозабор за северной развязкой. Под ним технический узел. Там автономное питание. Если кто-то собирал выживших, он мог выбрать это место.

-Мог?

-Я не обещаю людей.

-Зато обещаете ответы?

-Нет. Только шанс.

Девушка посмотрела на вход в станцию. Провал чернел между слоями голубоватого тумана, как раскрытый рот. Можно было пойти туда одной, потребовать больше объяснений или вытащить нож, забрать карту и уехать без него. Только рука почему-то не двигалась. Не из доверия -доверия не было. Слишком многое в этом человеке настораживало: уверенность, сухой голос, странное давление, знание того, о чём он не должен был знать. Но карта выглядела настоящей, приёмник работал, а станция явно не была местом, куда стоит спускаться без причины. К тому же незнакомец не пытался казаться спасителем. Спасители обещают безопасность. Этот предлагал риск, у которого хотя бы было направление.

-Как вас зовут? -спросила девушка.

Мужчина посмотрел внимательно, будто вопрос имел больше веса, чем должен.

-Это важно?

-Если вы хотите сесть в мою машину -да.

-Свое старое имя держишь крепко?

Вопрос ударил неожиданно точно. Прежнее имя всплыло в памяти сразу, но не согрело. Оно потянуло назад: в квартиру, к Натт, к пустым мискам у двери, к разбитому окну и миру, где люди строили планы, откладывали звонки и верили, что завтра обязано наступить.

-Не ваше дело.

-Верно, -спокойно сказал незнакомец. -Но старые имена скоро начнут мешать. Они привязаны к людям, которых больше нет, и к правилам, которые больше нельзя использовать. Здесь можно назваться заново. Тем, что выдержишь.

Фраза снова прозвучала почти напыщенно, но мужчина сам оборвал её, не позволяя словам разрастись.

-Меня зови Виктор.

Коротко. Чётко. Без украшений. После всех разговоров о новых именах такой ответ выглядел почти грубым, и почему-то именно это убедило сильнее. Виктор мог быть опасным, мог скрывать больше, чем говорил, но имя дал просто -как вещь, которую можно взять в руку.

-А тебя? -спросил он.

Девушка не ответила. Старое имя стояло на языке, но произнести его вслух означало признать, что прежняя жизнь всё ещё имеет власть, а она уже не имела. Не должна была иметь.

-Пока никак.

Виктор не стал давить. Только кивнул на дорогу.

-Тогда едем.

-Не командуйте.

-Я предупреждаю.

-Разница?

-Если командую -ты это почувствуешь.

От этой фразы внутри снова поднялся жар. Невидимое давление, едва успевшее ослабнуть, коснулось сознания. Девушка резко шагнула ближе, не доставая ножа, но показывая, что расстояние больше не защищает Виктора от удара.

-Попробуйте -и я проверю, насколько вы смертный.

Впервые в его взгляде мелькнуло что-то похожее на уважение.

-Хорошо. Без приказов.

Это не было примирением. Скорее временным договором двух людей, которые понимали: одиночество опасно, но доверие ещё опаснее. Машина встретила их хриплым сопротивлением. Двигатель завёлся не сразу, несколько раз кашлянул, будто передумал жить, затем всё-таки загудел. Виктор сел рядом и бросил взгляд на повреждённую панель под рулём, оголённые провода и сломанный пластик.

-Сама?

-Пришлось.

-Смело.

-Глупо.

-Сейчас это часто одно и то же.

Машина выехала от станции медленно, будто боялась повернуться к ней спиной. В зеркале заднего вида вход ещё долго чернел между слоями тумана, потом дорога свернула, бетонные конструкции исчезли за домами, но ощущение, что что-то смотрит вслед, осталось. Город постепенно редел. Многоэтажки сменялись складами, пустыми парковками, длинными заборами, за которыми больше нечего было охранять. Свет не менялся. По ощущениям прошло уже больше суток, но ночь так и не наступила: небо оставалось серым, у горизонта -холодно-голубым, будто мир застрял между днём и чем-то, что не решалось стать вечером.

Спать не хотелось. Это больше не удивляло так остро, но спокойнее от этого не становилось. Тело вело себя как механизм, которому забыли объяснить предел: ни жажды, ни голода,

ни слабости, только тонкий гул в глубине черепа, похожий на звук далёких проводов под напряжением. Виктор тоже не просил остановиться, не говорил о воде, еде или отдыхе. Сидел прямо, проверял карту, иногда коротко указывал направление. Его спокойствие не было пустым. Скорее слишком жёстким, слишком выученным. Такой человек не перестаёт бояться - просто не разрешает страху выходить наружу.

-Давно очнулись? -спросила девушка после долгого молчания.

-Не знаю точно.

-Часы есть?

-Есть. Они идут.

-А день?

-А дня нет.

-Значит?

-Значит, часам я больше не верю.

Ответ был сухой, почти раздражающе спокойный, но спорить оказалось не с чем. За городом дорога стала хуже. Асфальт растрескался, на обочинах лежали полосы пепла, будто его снесло невидимым течением. Брошенных машин стало меньше, зато каждая выглядела не как результат аварии, а как следствие нападения: у одной был сорван багажник, у другой продавлена крыша, на дверях третьей тянулись глубокие параллельные царапины. Девушка сбросила скорость.

-Это что?

Виктор посмотрел на следы и стал ещё мрачнее.

-Не останавливайся рядом с такими машинами.

-Почему?

-Потому что иногда оно возвращается туда, где уже ело.

Холод прошёл по спине, но руки на руле остались крепкими.

-Оно?

-Я не знаю, как это назвать.

Дальше ехали молча. Туман стелился ниже, забивался между полосами дороги и иногда поднимался короткими рывками, словно под асфальтом кто-то дышал. На одном участке пепел лежал странным кругом, идеально чистым внутри: ни веток, ни мусора, ни следов шин, только серый ободок и пустая середина. Виктор велел объехать и не стал объяснять. На другом отбойник был выгнут наружу, будто в него ударилось что-то тяжёлое и живое; металл сохранил не простую вмятину, а глубокие борозды.

-Мы точно едем к людям? -спросила девушка.

-Мы едем к сигналу.

-Это не одно и то же.

-Я знаю.

Чем дальше они уходили от города, тем мрачнее становилась дорога. Не из-за темноты - ночь всё ещё не наступала. Мрачность собиралась из деталей: пустые посты у развязок, перевёрнутый автобус на обочине, пятна на асфальте, не похожие ни на масло, ни на кровь, царапины на крышах машин, слишком высокие для человека и слишком глубокие для животного. Первая остановка случилась внезапно. Сначала пришёл звук -не рёв и не крик, а нечто среднее между разорванным металлом и живым горлом, протянутым до предела. Низкий, влажный, рваный, он прокатился по трассе, ударился о пустые машины, прошёл через салон и застрял под рёбрами.

Все внутренние инстинкты взвыли одно и то же: газ. Не тормозить. Не смотреть. Уехать. Виктор резко поднял руку.

-Стой.

-Нет.

-Стой. Оно может быть впереди.

-А если сзади?

-Тогда мы уже опоздали.

От такой честности хотелось ударить его локтем в лицо, но логика была. Проклятая, холодная логика. Машина замедлилась, тормоза скрипнули, двигатель захрипел на холостом ходу, и туман впереди дрогнул. Сначала показалось, что из серой пелены выходит человек на четвереньках, но уже через миг пропорции распались. Тело было худым, жилистым, с серо-розовой кожей, натянутой на выступающие кости. Длинные непропорциональные руки почти доставали до земли, большие лапы раскрывались и сжимались, показывая острые когти. Позвоночник выгибался под кожей рваной линией, плечи торчали высоко и неправильно, будто скелет внутри собирали наспех, без всякого знания человеческой формы.

Голова напоминала то ли мутировавшую крысу, то ли обезьяну из больного кошмара: маленькие светящиеся глаза, огромные уши, плоский нос и широко раскрытая пасть с крупными жёлтыми зубами. Слюна тянулась вязкими нитями и падала на асфальт, где тут же темнела. Существо замерло посреди трассы. Машина тоже. Время сжалось до узкой полосы между вдохом и движением.

-Теперь газ, -сказал Виктор.

Педаля ушла вниз. Двигатель взвыл. Машина рванула вперёд, но тварь метнулась в сторону с невозможной скоростью и не убежала. Долгое тело скользнуло по асфальту, оттолкнулось задними лапами, и через мгновение чудовище ударилось о капот. Металл прогнулся. Пасть раскрылась у лобового стекла. Жёлтые зубы щёлкнули так близко, что звук прошёл по нервам, как нож по стеклу. Существо вскарабкалось выше, когти с мерзким скрежетом впились в крышу, машину бросило влево, и Виктор схватился за панель, а потом резко потянулся к рулю, помогая удержать направление.

-К отбойнику! -рявкнул Виктор.

-Отпусти руль!

-Тогда нас перевернёт!

-Отпусти!

Голос девушки оказался сильнее, чем ожидалось. Не громче -твёрже. Виктор убрал руку, а тварь ударила по стеклу. Трещины побежали белыми жилками. Пасть снова раскрылась, и на этот раз стало ясно: ещё удар -и стекло не выдержит. Но страха не было. Паники тоже. Внутри наступила пугающая ясность. Мир сузился до светящихся глаз, скалящейся пасти и одного точного знания: эта тварь не имеет права быть здесь. Не имеет права касаться машины. Не имеет права решать, кто станет добычей.

Девушка подняла взгляд прямо на существо. Виктор что-то сказал, но слова не дошли. Всё лишнее исчезло. Осталось только желание -тяжёлое, чистое, без малейшего сомнения. Не просьба. Не мольба. Приказ, рождённый не разумом, а чем-то глубже: сердцем, костями, каждой новой неправильной клеткой.

-Уходи прочь, -произнесла девушка.

Тихо. Чётко. Так искренне, будто вместе с этими словами наружу вышла вся воля, которая до сих пор удерживала её от падения. Существо застыло. Маленькие светящиеся глаза дрогнули. Пасть осталась раскрытой, но звук оборвался. Когти ещё цеплялись за крышу, царапая металл, однако напор исчез. Тварь вдруг опустила голову -не как испуганный зверь, а как тот, кто узнал силу выше собственной. Потом длинные пальцы разжались. Тело сорвалось с машины, ударилось о трассу, перекатилось через плечо и бросилось в туман.

Машина продолжала нестись вперёд. Асфальт мелькал под колёсами, двигатель хрипел, треснувшее стекло вибрировало от скорости. Никто не говорил. Даже Виктор, казалось, впер-

вые потерял свою холодную собранность. Через несколько минут трасса расширилась, а туман отступил к обочинам, и только тогда он произнёс:

-Остановись.

На этот раз спорить не было сил. Машина съехала к краю дороги и замерла. Двигатель всё ещё работал, но его звук казался далёким, будто доносился из соседней комнаты. Руки сами отпустили руль, пальцы дрожали не от страха -от внезапной пустоты. Впервые за долгое время пришла усталость. Настоящая. Тяжёлая. Живая. Она накрыла сразу, как волна: тело стало чужим, веки налились свинцом, мысли начали расползаться.

Виктор смотрел молча. В этом взгляде больше не было прежней уверенности. Там появилось то, что он явно привык прятать: потрясение. Не восторг, не благодарность -скорее осторожный ужас человека, который увидел подтверждение своей самой плохой догадки.

-Что ты сделала? -спросил Виктор.

Ответить хотелось честно, но честности не было.

-Не знаю.

Голос прозвучал глухо. Сон поднимался изнутри, не спрашивая разрешения. После всех часов без отдыха, после станции, квартиры Натт, дороги, тумана и твари организм наконец вспомнил, что умеет отключаться. Или новая сила потребовала плату. Виктор говорил что-то ещё: что нельзя стоять на открытой трассе, что до водозабора нужно добраться как можно быстрее, что дальше поведёт он. Слова расплывались, теряли края и превращались в далёкий шум.

Девушка повернула голову к нему. Прежнее имя всплыло где-то в глубине памяти, но уже не отозвалось теплом. Оно принадлежало другой жизни, другому телу, человеку, который мог откладывать звонки, строить планы на выходные и верить, что завтра обязательно будет похоже на вчера. Теперь завтра ничего не обещало. Значит, имя тоже нужно было выбрать заново. Не красивое. Не удобное. Настоящее.

-Зови меня Карма, -успела сказать она.

Виктор замер, а Карма закрыла глаза. Сон забрал её тяжело, жадно, почти насильно, но в последнюю секунду внутри осталось ясное знание: это имя не тянет назад, не просит прежней жизни и не обещает спасения. Не врёт. Это была первая правда.

Глава 6

Карма очнулась не сразу, а будто выплыла из густой, тяжёлой воды, в которой не было ни снов, ни образов, ни времени. Сначала она почувствовала движение: ровное покачивание машины, редкие толчки на разбитом асфальте, низкий гул двигателя, почти живой на фоне мёртвого города. Потом пришёл запах -пыль, холодный пластик салона, старая ткань сидений, металл, немного бензина и слабый след Виктора: дым, кожа, что-то горькое и сухое. Карма открыла глаза и несколько секунд смотрела в потолок, не понимая, где находится, пока память не ударила резко и целиком: дорога, тварь на капоте, жёлтые зубы у стекла, когти на крыше, собственный голос, уже не похожий на её голос, и приказ, после которого существо отступило. Она медленно повернула голову. Виктор сидел за рулём, обеими руками держался за обод, смотрел вперёд, а лицо казалось спокойным только на первый взгляд; в этой неподвижности была не расслабленность, а напряжение человека, который слишком долго не позволяет себе дрогнуть.

-Долго я спала? -спросила Карма, и голос вышел хриплым, но не слабым.

Виктор посмотрел на неё краем глаза слишком быстро, будто проверял не только то, проснулась ли она, но и осталась ли собой.

-Минут сорок. Может, чуть больше. Ты отключилась так резко, что я сначала подумал, что ты умерла.

-Спасибо за оптимизм.

-Я не оптимист, -сухо ответил он. -Я просто видел, как умирают. У тебя было иначе.

-И как именно?

-Ты дышала ровно. Пульс был нормальный. Только проснуться не могла. Я тряс тебя за плечо, звал, даже водой пытался привести в чувство. Никакой реакции. Как будто тебя выключили.

-Не меня, -сказала Карма после паузы, сама не понимая, почему выбрала именно эти слова.

Виктор не ответил сразу. Машина объехала лежащий поперёк дороги знак, смятый так, словно его не сбила другая машина, а скрутила невидимая рука. Карма села ровнее, поправила ремень и ощутила под пальцами браслет на запястье. Круглая подвеска была холодной. Мысль о маме вспыхнула так внезапно, что внутри неприятно кольнуло, но боль не развернулась в привычную панику, будто встретила стену. Всё, что было раньше, -работа, телефон, сообщения, вина, отложенные звонки -находилось теперь где-то за стеклом. Далеко, но не исчезло. Карма посмотрела на Виктора и заметила, что он стал ей менее чужим, чем был до её сна. Это раздражало: она знала о нём ничтожно мало, он явно скрывал больше, чем говорил, его спокойствие пугало, но теперь между ними лежало нечто общее. Не доверие. Скорее знание, что они оба перешагнули через какую-то черту и обратно уже не вернутся.

-Ты испугался, -сказала она не вопросом.

Виктор усмехнулся одними губами.

-После того как женщина без имени приказала твари уйти, потом назвала себя Кармой и потеряла сознание? Нет, конечно. Обычный день.

-Я не знала, что могу это сделать.

-Это я понял.

-Тогда почему ты смотришь так, будто должен был знать?

-Потому что такие изменения не бывают случайными, -произнёс он и на этот раз не ушёл от ответа сразу. -После волны другими стали не только город и твари. Люди тоже. Те, кто остался.

-Ты видел других?

Виктор напряг пальцы на руле, и Карма успела заметить это движение.

-Видел следы. Слышал рассказы. Знал человека, который смог пройти через зону, где остальные исчезали. Видел женщину, у которой после вспышки перестали кровоточить раны. Но того, что сделала ты, -нет.

-А ты? -спросила Карма. -Ты тоже изменился?

Он молчал так долго, что она решила: не ответит. Машина выехала на широкую дорогу, ведущую к северной развязке, и здесь город выглядел особенно неправильным. Пространства стало больше, домов меньше, а тишина шире. На обочинах стояли грузовики, некоторые с распахнутыми дверцами; рядом валялись каски, пластиковые бутылки, чьи-то перчатки, но людей не было, как не было и следов бегства в обычном смысле. Будто все просто вышли из машин и растворились, не успев даже испугаться до конца. Виктор наконец заговорил, не отрывая взгляда от дороги.

-Да. Я чувствую, что во мне тоже что-то сдвинулось. Но пока не могу сказать, что именно. Это не сила, которую можно показать. Не искра в руках, не приказ, не исцеление. Скорее ощущение. Я слышу опасность раньше, чем она появляется. Понимаю, куда не надо идти. Иногда знаю, что сейчас что-то случится, хотя причин для этого нет. И ещё

Он замолчал, будто сам испугался продолжения.

-Ещё что?

-Иногда люди рядом со мной начинают соглашаться быстрее, чем должны. Не все. И не всегда. Но я это замечал.

Карма вспомнила станцию: его голос, давление, холодную уверенность, от которой хотелось сделать шаг именно туда, куда он сказал. Потом вспомнила, как внутри неё что-то упёрлось и отказалось подчиняться. Теперь это уже не казалось простым раздражением.

-Ты хотел заставить меня поехать с тобой? -спросила она тихо.

Виктор резко посмотрел на неё, но в его лице не было злости.

-Нет. Не так. Я хотел, чтобы ты не ушла в станцию и не умерла там, где умерли другие. Но да, возможно, я давил сильнее, чем имел право.

-Удобная формулировка.

-Другой у меня нет. Я не до конца понимаю, как это работает. И мне это не нравится.

-Мне тоже. Особенно часть, где кто-то может заставить меня соглашаться.

-Ты не согласилась.

-Вот именно это меня и удивило.

Они ещё какое-то время ехали молча, и молчание впервые не было пустым. В нём оставалось место для сказанного, для того, что они оба не могли объяснить, и для новых границ, которые приходилось нащупывать вслепую. Карма попыталась понять, чувствует ли голод, но вместо привычного тянущего ощущения в желудке была ровная, почти пугающая тишина. Она провела языком по губам: не пересохли. Никакой жажды. После сорока минут сна тело не просило кофе, воду, еду, сигарету, таблетку от головной боли, душ или кровать. Оно будто ждало не заботы, а следующего приказа, и от этой мысли стало холоднее, чем от вида пустых улиц. Конец света не просто забрал людей, животных, шум и привычный порядок. Он что-то раздал тем, кто остался. Раздал без объяснений, без инструкции, без выбора, словно новая реальность торопилась заселить себя новыми правилами.

-Значит, мы теперь кто? -спросила она, глядя на серую дорогу впереди. -Выжившие с побочными эффектами?

-Хорошее юридическое определение.

-Почти, -Карма повернула голову к нему. -Я серьёзно. Если люди исчезли, а мы нет, если появились твари, если у меня голос работает лучше оружия, а ты можешь чувствовать опасность и давить на чужие решения, значит, это не просто радиация и не массовая галлюцинация.

-Я и не говорил, что это просто.

-Но ты ведёшь себя так, будто давно ждал, что всё станет сложно.

-Я ждал ответов, -произнёс он, и в этих словах впервые послышалось что-то личное. -Не конца света. Не исчезновения людей. Ответов.

Карма хотела спросить, каких именно, но впереди показался водозабор. Старое техническое здание стояло за ржавой оградой из металлической сетки, местами продавленной и заросшей сухим бурьяном. До катастрофы на него никто бы не посмотрел дважды: серый бетон, облупившаяся краска, узкие окна под потолком, плоская крыша, трубы, уходящие в землю и к реке, щит с выцветшей надписью о санитарной зоне. Теперь здание выглядело не заброшенным, а затаившимся. Пепел лежал вокруг ровным слоем, но возле ворот был сбит колёсами, и это сразу бросалось в глаза. Кто-то приезжал сюда после волны или незадолго до неё. Цепь на воротах висела свободно, дужка замка была просто продета в звенья, как знак для своих. Виктор остановил машину, заглушил двигатель, разъединив провода под повреждённой панелью, и несколько секунд сидел неподвижно, прислушиваясь. Карма тоже вслушалась, но услышала только далёкий, едва уловимый гул воды под землёй, будто сердце у этого места всё ещё билось.

-Людей нет, -сказала она.

-Не спеши.

-Я не чувствую никого.

-Ты теперь чувствуешь людей?

-Не знаю, -Карма сама удивилась ответу. -Просто пусто. Не как на улице. Глубже.

-Тогда держись рядом.

Виктор взял фонарь и старый приёмник. Карма проверила нож в сумке и вышла следом. Приёмник потрескивал, но слабый сигнал, ради которого они ехали, здесь стал плотнее: короткие щелчки складывались почти в ритм, будто кто-то пытался достучаться через помехи. Виктор распахнул ворота, и они прошли во двор. Под ногами хрустел пепел, на бетоне отпечатались старые следы шин, у стены валялась пластиковая канистра с открученной крышкой. Карма задержалась, наклонилась, понюхала: вода. Обычная, затхлая, но настоящая. И снова не захотела пить.

Входная дверь оказалась металлической, тяжёлой, с облезлой синей краской и табличкой Посторонним вход запрещён. Замок на ней был сорван аккуратно, не грубо: не выломан силой, а будто открыт человеком, который знал, куда давить. Внутри их встретил холод -влажный, густой, пропитанный запахом ржавчины, старой электрики, сырого бетона и технического масла. Луч фонаря выхватил узкий коридор с трубами вдоль стен; трубы были разных диаметров, красные, синие, серые, покрытые старыми маркировками, стрелками и белёсыми потёками. Где-то глубоко работал насос, но не ровно, а с перебоями: вдох, пауза, металлический толчок, снова вдох. Лампочки под потолком не горели, однако в дальнем конце коридора мерцал аварийный зелёный указатель, и его слабый свет делал стены похожими на внутренности огромной машины. Пепла здесь почти не было. Только у входа тонкая полоска, принесённая с улицы на подошвах тех, кто приходил раньше.

Карма шла за Виктором и не могла отделаться от ощущения, что здание не пустое, хотя людей здесь действительно не было. Водозабор был слишком наполнен следами присутствия: на крючке висела рабочая куртка с нашивкой службы эксплуатации, под ней стояли сапоги; на столе в маленькой диспетчерской осталась кружка с засохшим тёмным налётом; рядом лежала пачка дешёвого печенья, раскрытая, но не тронутая мышами, потому что мышей тоже больше не было. На стене висела большая схема трубопроводов, исчерченная красным маркером. Некоторые участки были обведены кругами, рядом стояли даты, последние -за день до вспышки. В углу мигал старый монитор, подключённый к автономному блоку питания; экран то темнел, то показывал таблицу давления в линиях, бессмысленную и живую одновременно. Карма вдруг подумала, что именно так мог выглядеть мир после ухода людей: машины ещё

выполняют команды, насосы качают воду, лампочки пытаются светить, журналы ждут подписей, а подписывать уже некому.

-Здесь были люди, -сказала она.

-После волны?

-Не знаю.

Виктор провёл пальцем по столу. На пыли осталась чёткая полоса.

-Но не так давно. Смотри.

Он указал на пепельницу, в которой лежал окурок. Карма машинально отметила его и почувствовала странное отвращение: когда-то она сама потянулась бы к пачке, если бы нашла её сейчас, а теперь сигарета казалась чужим предметом из чужого тела. Виктор тем временем подошёл к металлическому шкафу с документами. Дверца была приоткрыта, один ящик выдвинут. Внутри лежали папки, журналы, потрёпанные инструкции, а поверх всего -лист бумаги, прижатый тяжёлой гайкой, чтобы его не унёс сквозняк. Бумага была сложена пополам, на ней чёрным маркером было написано: Если вы остались -читайте до конца.

Карма взяла лист раньше, чем Виктор успел её остановить. Почерк был быстрым, неровным, местами буквы срывались, но текст читался легко, и от каждой строки внутри становилось всё неприятнее: Взрыв не был аварией в обычном смысле. Контур кластера вышел за расчётные пределы после запуска северного узла. Первичная волна прошла через город в 03:42. Исчезновение основной массы населения подтверждено визуально и по датчикам. Животные также не фиксируются. Те, кто сохранил физическое присутствие после волны, могут проявлять признаки адаптации в течение первых часов или суток. Условное обозначение -Адаптированные. Не вступать в прямой конфликт без необходимости. Фиксировать способности, реакции на туман, регенерацию, изменения восприятия, воздействие голосом, касанием или полем. При появлении агрессивных форм отходить к точкам сбора согласно карте Б-7. Ниже шла строка, уже другим нажимом, будто её дописали позже: Если вы читаете это и ничего не знали заранее -значит, вас не должны были оставить одних. Простите.

Карма перечитала последнюю фразу дважды. Потом медленно подняла глаза на Виктора. Он стоял рядом, смотрел не на лист, а на её лицо, и в этом было признание ещё до слов. Он не выглядел потрясённым, не побледнел, не выругался, не попытался выхватить бумагу. В нём было напряжение, но не шок. Скорее мрачное подтверждение ожидания. Карма почувствовала, как внутри поднимается злость -не огненная, как перед тварью, а холодная, ясная, человеческая.

-Ты знал, что мы найдём что-то подобное.

-Я предполагал.

-Предполагал? -Она почти рассмеялась, но смех вышел бы плохим. -Здесь написано, что кто-то знал. Не всё, возможно, но достаточно. Знал про взрыв, про волну, про исчезновение, про этих Адаптированных. Знал, что после конца света кто-то останется, и даже придумал название. Как удобно. Люди исчезли, семьи исчезли, дети, животные, целый город, а у кого-то уже были карты, точки сбора и классификация.

-Карма, -тихо произнёс Виктор.

-Не надо.

-Не надо что?

-Замечать? Злиться? Считать, что это несправедливо? -Она сжала лист так сильно, что бумага хрустнула. -Моя мать могла быть там. Ник. Тина. Натт. Все могли быть там, где их просто не предупредили, потому что кто-то решил, что не всем положено знать.

-Возможно, они и сами не понимали, чем закончится запуск.

-Но готовились.

-Да, -признал он. -Кто-то готовился.

-И ты поэтому не удивлён.

-Я не удивлён, потому что если есть катастрофа такого масштаба, всегда есть те, кто увидел её раньше остальных. Это не делает их правыми. Не делает случившееся справедливым. Но сейчас это уже произошло.

-Удобно говорить, когда ты жив.

Виктор шагнул ближе, но остановился на расстоянии, не пытаясь коснуться её.

-И ты жива. Слышишь? Ты здесь. Ты дышишь. Ты можешь злиться, искать виновных, ненавидеть тех, кто ждал, но всё это будет иметь смысл только если ты останешься живой достаточно долго, чтобы получить ответы. Сейчас главное -не справедливость. Главное -дорога к тем, кто может объяснить, что случилось.

Её раздражало, что он прав. Ещё сильнее раздражало, что его голос больше не давил, как раньше. Он не пытался согнуть её волю, не заставлял соглашаться, просто говорил, и от этого становилось хуже: спорить с честной жестокостью было труднее, чем с манипуляцией. Карма аккуратно положила записку на стол, разгладила ладонью смятый край и заставила себя вдохнуть. Воздух в диспетчерской был холодный, сырой, с привкусом металла. Где-то за стеной насос снова ударил, будто здание кашлянуло.

-Точки сбора. Карта Б-7, -сказала она уже ровнее. -Значит, должна быть карта.

-Да. И если сигнал шёл отсюда, они могли оставить не только записку.

-Они?

-Те, кто ждал, -Виктор отвернулся к шкафам. -И те, кто, возможно, не успел уйти.

Они начали искать. Карма открывала ящики, перебирала папки, журналы смен, инструкции по аварийному отключению, списки сотрудников, распечатки с печатями, на которых ещё вчера задержала бы профессиональный взгляд юриста, а теперь видела в них только жалкие остатки старого порядка. Виктор проверял стены, схемы, вентиляционные решётки, нижние полки. В соседнем помещении они нашли комнату отдыха: две раскладушки, аптечку, пустой термос, рацию с треснувшим корпусом и несколько упаковок сухпайка. Карма взяла один пакет в руки, посмотрела на срок годности, потом положила обратно. Есть не хотелось, и это начинало пугать сильнее, чем мог бы пугать сам голод. В комнате управления, куда они прошли дальше, всё было ярче и страшнее: старые пульты с кнопками, экраны, стойки оборудования, бухты кабелей, мутный голубой свет из узких окон под потолком. На бетонном полу темнели следы, похожие на грязь, но грязь давно высохла и растрескалась. У дальней стены висела ещё одна схема города, не официальная, а распечатанная на нескольких листах и склеенная скотчем. На ней красными крестами были отмечены северный кластер, станция, больница, несколько подземных узлов, а за городом -точка с подписью Резерв.

Под картой была приклеена прозрачная папка. Виктор снял её со стены, достал листы, и на этот раз Карма читала вместе с ним, не забирая бумаги в руки. Там был краткий протокол, почти сухой, но от этой сухости становилось ещё хуже: Группа наблюдения переведена на резервные позиции. При подтверждении появления Адаптированных направлять их к объекту Р-12. Самостоятельный выход гражданских не рекомендован. Дороги через северную развязку нестабильны. Основной маршрут закрыт после смещения тумана. Использовать координаты 56.*** / 43.***, далее по старой сервисной трассе до карьера, затем на юго-восток. Пароль для внешнего поста: Контур не замкнут. При отсутствии ответа не приближаться.

-Объект Р-12, -сказала Карма. -Это там люди? Те самые, кто знал?

-Возможно.

-Опять возможно.

-Это лучше, чем ничего.

-Нет, -она покачала головой. -Это хуже. Ничего честнее. А это значит, что где-то есть люди, которые сидели с картами, координатами и паролями, пока остальные смотрели в окна и думали, что у них просто барахлит связь.

-Может быть, они пытались предотвратить это, -сказал Виктор, но сам, кажется, не был уверен. -Может быть, провалились. Может быть, часть из них погибла первой. Мы не знаем.

-Зато они знали слово Адаптированные.

-Слово не значит понимание. Иногда название дают не потому, что знают, а потому что боятся неизвестного.

-Ты их защищаешь?

-Нет. Я пытаюсь удержать тебя от ошибки. Если мы доберёмся до Р-12 и ты войдёшь туда с этой злостью, тебя могут не пустить дальше порога. Или попытаются запереть. Или убить.

-За то, что мне не нравится их правда?

-За то, что ты можешь приказать твари уйти одним голосом. Для людей, которые готовились к концу света, ты не просто выжившая. Ты переменная, которую они не контролируют.

Карма усмехнулась, но в этом не было веселья. Переменная. Адаптированная. Выжившая. Карма. С каждым новым названием она становилась дальше от женщины в розовом костюме, которая всего несколько дней назад раздражалась из-за совещания, думала о кофе, избегала звонка матери и верила, что город может быть шумным всегда. Она подошла к карте и долго смотрела на координаты. Путь оказался не коротким. Если верить отметкам, прямой дороги больше не было: северная развязка проходила слишком близко к зоне тумана, станция была помечена чёрным, несколько мостов перечёркнуты. Оставался объезд через промзону, старую сервисную трассу, карьер и лесополосу за городом. На бумаге это выглядело как линия, нарисованная человеком, который хорошо знает местность, но не уверен, останется ли она прежней к утру.

-Это не на пару часов.

-Нет.

-Там могут быть твари.

-Да.

-И туман.

-Скорее всего.

-И люди, которые нас не ждут или ждут слишком сильно.

-Именно.

-Тогда почему мы вообще едем?

Виктор посмотрел на карту, потом на неё.

-Потому что все остальные дороги ведут в пустоту.

Они забрали карту, записку, протокол, рабочую рацию, сухпайки и две бутылки воды, хотя Карма снова поймала себя на том, что берёт воду не потому, что хочет пить, а потому что помнит: люди должны носить воду. Перед уходом она задержалась в диспетчерской. Слабый зелёный свет аварийного указателя дрожал на стене, монитор мигал, насосы дышали за бетоном, а бумажная записка Если вы остались -читайте до конца лежала на столе как признание вины, которое никто не собирался произносить вслух. Карма вдруг представила человека, писавшего её: как он торопился, слушал помехи по рации, понимал, что мир уже сломан, и всё равно выбирал слова. Простите. Слишком мало для исчезнувшего города. Слишком много для того, кто мог просто уйти и не оставить ничего.

На улице свет показался резче. Голубой туман висел за оградой тонкими слоями, пепел у ворот был исполосован их следами, а машина стояла там же, немного нелепая, слишком обычная среди всего этого. Найденное сложили на заднее сиденье. Виктор развернул карту на капоте, они сверили координаты с его старой городской схемой, и стало ясно: ехать придётся не туда, куда он изначально рассчитывал. Путь через развязку был почти самоубийством -слишком близко к станции, слишком близко к месту, где люди исчезали у него на глазах. Новый маршрут уходил в обход, через район складов и заброшенную технологическую дорогу, кото-

рая ещё до конца света считалась плохой. Карма провела пальцем по линии, остановилась на отметке карьера и спросила:

-Ты уверен, что машина пройдёт?

-Нет.

-Прекрасно.

-Но пешком мы точно не успеем до темноты, если темнота вообще теперь приходит как положено.

-А если не придёт?

-Тогда это будет не самая странная часть дня.

Они сели в машину. Виктор не сразу занялся проводами; несколько секунд он просто смотрел через треснувшее лобовое стекло на старое здание водозабора. Карма сидела рядом, чувствуя под курткой сложенную карту, будто это был не лист бумаги, а новый приговор. Внутри стало слишком тесно от вопросов. Кто знал? Почему молчал? Почему одни исчезли, а другие стали Адаптированными? Что значит фиксировать способности? И самое главное - если где-то действительно были люди, готовые к этому, могла ли среди них быть хоть одна ниточка, ведущая к маме, Нику, Тине, Натт, к кому угодно из тех, кого она ещё не готова была отпустить. Виктор наклонился к повреждённой панели, свёл оголённые провода, стартер кашлянул, двигатель хрипло ожил, и этот звук снова стал единственным доказательством, что движение возможно.

Когда они выехали за ворота, Виктор некоторое время молчал, а потом спросил так спокойно, будто речь шла о простой усталости после долгой дороги:

-Как ты?

Карма посмотрела в боковое окно. Водозабор медленно оставался позади, старое техническое здание уменьшалось, растворяясь в сером свете, и ей вдруг показалось, что они не нашли там путь к людям, а окончательно потеряли право верить в случайность. Она не хотела пить, не хотела есть, не хотела спать, хотя понимала, что должна хотеть хотя бы что-то. В груди сидела злость, под ней страх, под страхом - пустота, а где-то ещё глубже шевелилось новое чувство, холодное и внимательное, будто та часть её, которая приказала твари уйти, проснулась вместе с ней и теперь слушала мир вместо неё. Карма сжала пальцы на браслете и сказала:

-Всё нормально.

Это была шестая ложь.

Глава 7

Водозабор остался позади, и какое-то время Карма смотрела в боковое зеркало, пока серое техническое здание не растворилось за поворотом. Туман, ещё недавно висевший над территорией водозабора плотным голубоватым пятном, теперь казался просто дефектом воздуха -неправильным, чужим, но уже не главным. Он появился так, как появляются трещины на стекле после удара: не причина, а знак, что удар уже был. Дорога под колёсами шла неровно, машина вздрагивала на выбоинах, и эти короткие толчки почему-то помогали держаться за настоящее. Впереди лежала промзона, дальше -старая сервисная трасса, карьер и Р-12, точка на карте, которая могла оказаться спасением, ловушкой или очередным местом, где люди придумали себе порядок, чтобы не сойти с ума окончательно.

Карма сидела рядом с Виктором, держала карту на коленях и почти не смотрела на неё. Маршрут она уже запомнила: через складскую линию, потом к сервисной трассе, дальше вниз, к карьёру, не к главному въезду, если верить найденным бумагам, а к нижнему техническому посту. Гораздо сильнее её занимало другое. Она пыталась прислушаться к себе так, как раньше прислушивалась к чужой лжи: внимательно, без жалости, вылавливая нестыковки. Но внутри не было привычного хаоса. Не было паники, которая должна была подняться после всего, что произошло. Не было нормального страха, настоящего горя, живой боли, способной развернуться и захватить целиком. Мир будто стал тише, а вместе с ним тише сделалась она сама.

-Я должна быть в ужасе, -сказала Карма, не поворачивая головы.

Виктор сбросил скорость перед разбитым участком дороги и только потом ответил:

-Обычно люди не говорят такие вещи так спокойно.

-Вот именно. Я понимаю, что должна. Головой понимаю. У меня исчез город, я не знаю, что с близкими, я видела то, что не должно существовать, а сейчас еду по пустой дороге и думаю не о них. Думаю о карте, бензине, объезде, о том, где можно развернуться, если впереди завал. Это ненормально.

-Нормальность закончилась раньше, чем мы успели её похоронить.

Карма посмотрела на него. Он произнёс это без попытки утешить, и в такой сухости было больше честности, чем в любой мягкой фразе. Виктор держал руль ровно, но пальцы у него побелели на костяшках. Значит, он тоже не был спокоен. Просто у него это выглядело иначе: не дрожь, не лишние слова, не срыв, а собранность человека, который не может позволить себе развалиться, пока машина едет.

-Ты боишься? -спросила она.

-Да, -ответил он после короткой паузы. -Просто не тем местом, которое дрожит.

Карма усмехнулась, но усмешка вышла пустой.

-Хорошая формулировка. Я помню, как страх должен ощущаться. Но самого ощущения почти нет. Как будто мне оставили инструкцию к человеку, а часть деталей забрали.

Виктор молчал несколько секунд, объезжая глубокую трещину в асфальте.

-Может, это защита.

-От чего?

-От всего сразу.

-Удобная защита. Только я не уверена, что после неё остаётся что-то моё.

Он посмотрел на неё коротко, но внимательно, и снова вернулся взглядом к дороге.

-Остаётся. Ты всё ещё задаёшь этот вопрос.

Ей хотелось возразить, но она не нашла чем. Вопрос действительно оставался. Не боль, не страх, не привязанность к прошлому в той форме, в какой она ждала, но вопрос -да. Значит,

какая-то часть прежней Кармы ещё была здесь. Или новая уже училась притворяться прежней настолько хорошо, что разница становилась неважной.

Они ехали дальше, и за окнами город постепенно распадался на промзону: длинные склады, бетонные заборы, остовы рекламных щитов, служебные проезды, где асфальт вспучился и пошёл трещинами. На одном перекрёстке лежал перевёрнутый мотоцикл, рядом валялась каска с треснувшим визором. Чуть дальше, у обочины, стоял автобус с открытыми дверями. Внутри никого не было, только на поручне болтался детский брелок, раскачиваясь от сквозняка. Карма отметила это взглядом и почти сразу поймала себя на том, что отметила именно как деталь маршрута, а не как трагедию.

-Мы должны остановиться, -сказал Виктор, когда они миновали ряд складов с выбитыми окнами.

Карма опустила взгляд на карту.

-По маршруту лучше не останавливаться до развилки.

-Я не про маршрут. Нам нужны еда, вода, лекарства. Всё, что найдём.

Она медленно повернулась к нему.

-Нужны?

Виктор нахмурился.

-Что значит нужны?

-То и значит. Ты голоден?

Он не ответил сразу, и именно эта пауза сказала больше, чем слова. Виктор будто впервые за всё время проверил это не привычкой, а честно: есть ли пустота в желудке, сухость во рту, слабость в мышцах, дрожь от недоедания. Его лицо стало жёстче.

-Нет.

-Я тоже. И пить не хочу. Не по-настоящему. Мы сколько уже едем, бегаем, дышим этой дрянью, сталкиваемся с тварями и непонятно чем ещё? Часы? Больше? У меня должны трястись руки. У тебя должна болеть рана. А свежие порезы зажили так, будто их и не было.

Виктор машинально коснулся места, где ещё недавно была травма. Под одеждой осталась только тонкая полоса новой кожи. Он ничего не сказал, но Карма увидела, что ему не нравится это молчаливое подтверждение.

-Лекарства могут пригодиться позже, -произнёс он уже менее уверенно.

-Могут. Если мы вообще всё ещё устроены так, что они на нас действуют.

-Ты предлагаешь ехать к Р-12 без запасов?

-Я предлагаю не врать себе, что мы останавливаемся из-за еды.

Это задело. Не сильно, но достаточно, чтобы Виктор резко посмотрел на неё.

-А из-за чего тогда?

Карма выдержала его взгляд.

-Из-за твоего чутья. Ты хочешь остановиться не потому, что нам нужны консервы. Ты чувствуешь, что там что-то есть.

Машина проехала ещё метров двадцать, прежде чем Виктор затормозил у обочины и разъединил провода под повреждённой панелью, глуша двигатель. Справа стояло небольшое административное здание при складе: два этажа, облупившаяся вывеска, стеклянная дверь с трещиной от угла до угла. Рядом -парковка, несколько брошенных машин и узкий проход к служебному входу. Ничего особенного. Ровно такое место, которое раньше никто бы не заметил.

-Ненавижу, когда ты права, -сказал Виктор.

-Ты слишком часто это говоришь для человека, который ненавидит.

Он не улыбнулся, но уголок рта дрогнул.

-Мы заходим ненадолго. Смотрим документы, рации, карты, любые упоминания Р-12 и внешнего контура. Если найдём еду и аптечку -берём. Если нет -не геройствуем.

-То есть остановка всё-таки за информацией.

-Теперь да.

Карма кивнула. В этом было что-то почти нормальное: спорить о причине остановки, поправлять друг друга, делать вид, что решение принято рационально. На секунду это напомнило старый мир -не теплом, а привычной структурой. Два человека, проблема, маршрут, риск. Только в старом мире у них не заживали раны за минуты, а чьё-то чутьё не становилось поводом лезть в заброшенное здание.

Они вышли из машины. Воздух снаружи пах мокрым бетоном, пылью и железом. Туман здесь был слабым, почти незаметным, серой дымкой между дальними корпусами. Он не шевелился, не лез к ним, не притворялся живым. Просто висел над промзоной, как след после пожара, которого никто не видел. Виктор взял из багажника монтировку, Карма -нож и фонарик. У входа она остановилась и посмотрела на разбитую дверь: стекло треснуло наружу, не внутрь.

-Кто-то выбегал, -сказала она.

-Или его выкинули.

-Оптимистично.

-Практично.

Внутри было тихо. Холл встретил их пылью, перевернутым стулом и стойкой охраны, за которой валялась открытая папка с пропусками. На стене висел план здания, половина листа была сорвана. Виктор сразу пошёл к стойке, проверяя ящики, Карма посветила по полу. Следы были. Старые и свежие, человеческие и не совсем: где-то отпечатки подошв, где-то смазанные полосы, будто по плитке тащили мокрую ткань. На полу виднелись бурые капли, но крови после последних часов она уже не боялась так, как должна была.

-Здесь недавно были, -сказал Виктор.

-И ушли не все.

Он поднял глаза.

-Почему ты так решила?

Карма указала фонариком на коридор. В конце, у двери с табличкой «Архив», сидела девушка.

Сначала она показалась обычной. Молодая, в грязной куртке, с тёмными волосами, прилипшими к лицу. Она сидела на полу, спиной к стене; одна нога вытянута, другая согнута. Голова была опущена, пальцы лежали на плитке. Но чем дольше Карма смотрела, тем очевиднее становилось: обычным там было только первое впечатление. Под кожей незнакомки что-то двигалось. Не снаружи -внутри. Тонкие волны проходили по шее, запястьям, под тканью рукавов, будто тело стало мешком, в котором кто-то осторожно перекладывает живую верёвку.

Виктор сделал шаг вперёд и тут же остановился.

-Эй. Ты нас слышишь?

Девушка подняла голову. Глаза были открыты, взгляд -осмысленный, но очень далёкий, как у человека, который видит их через толщу воды. Губы дрогнули.

-Не подходите.

Голос у неё был тихий, почти нормальный. От этого стало хуже. Карма медленно подняла руки, показывая, что не собирается нападать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.